ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Генри Стенли

ГЕОГРАФГИЗ — 1958

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Путешественник Генри Стенли стер с карты Африки огромное белое пятно в ее центральных районах. За последние двадцать лет XIX века он совершил несколько экспедиций по тропической Африке, увенчавшихся крупнейшими географическими открытиями. И все эти двадцать лет имя Генри Стенли не сходило со страниц газет и журналов всего мира. Его экспедиции подготовили почву для окончательного раздела африканского континента между европейскими империалистическими державами.

.

Г. В. КАРПОВ

Генри СТЕНЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958

Путешественник Генри Стенли стер с карты Африки огромное белое пятно в ее центральных районах. За последние двадцать лет XIX века он совершил несколько экспедиций по тропической Африке, увенчавшихся крупнейшими географическими

открытиями. И все эти двадцать лет имя Генри Стенли не сходило со страниц газет и журналов всего мира. Его экспедиции подготовили почву для окончательного раздела африканского континента между европейскими империалистическими державами.

— Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь?

— Да,— отвечал, ласково улыбаясь и слегка приподнимая фуражку, пожилой человек с бледным, усталым лицом и седой бородой.— Я очень рад встрече с вами здесь,— прибавил он.

Такими словами приветствовали друг друга Генри Стенли и Давид Ливингстон,- встретившись на берегу озера Танганьика в Центральной Африке. После многих дней томительного путешествия по глухим тропическим лесным дебрям и болотам, где человека на каждом шагу подстерегают бесчисленные опасности, Стенли, наконец, достиг цели: он нашел знаменитого путешественника Ливингстона, затерявшегося где-то в самом центре Африки.

Больше трех лет никаких сведений о судьбе Ливингстона в Европу не поступало... И вот однажды, в октябре 1869 года, когда молодой журналист — сотрудник американской газеты «Нью-Йорк Геральд» — Генри Стенли находился в Мадриде, он получил от издателя газеты телеграмму следующего содержания: «Приезжайте в Париж по важному делу». Стенли немедленно едет в Париж и прямо с вокзала, ночью, является в гостиницу, в которой остановился издатель газеты Гордон Беннет младший, Стенли нашел мистера Беннета уже в постели.

— Кто вы такой? — спросил тот.

— Мое имя Стенли.

— Ах, да! Садитесь. У меня есть важное и спешное дело для вас,

Набросив на плечи халат, Беннет спросил:

— Как вы думаете, где теперь Ливингстон?

— Право, не знаю, сэр!

— Как вы полагаете,— он жив?

— Может быть жив, а может быть и нет! — отвечал Стенли.

— Так; я думаю, что он жив и его можно разыскать.

Я намерен послать вас за ним,— сказал Беннет.

— Как? Неужели вы в самом деле думаете, что я могу найти Ливингстона? Вы хотите послать меня в Центральную Африку? — воскликнул Стенли.

— Да, я полагаю, что вы должны отправиться и найти его. Разумеется, вы будете действовать по вашему собственному

плану; делайте так, как вы считаете лучше, только отыщите Ливингстона.

— Подумали ли вы серьезно о тех огромных расходах, которые вам придется сделать ради этого «маленького»

путешествия? — заметил Стенли.

— Сколько это будет стоить? — отрывисто спросил издатель.

— Путешествие Спика в Центральную Африку стоило от 3000 до 5000 фунтов стерлингов, и я сомневаюсь, чтобы это обошлось менее 2500 фунтов.

— Хорошо, я скажу вам, что вы должны сделать. Возьмите теперь 1000 фунтов, а когда они у вас кончатся, возьмите еще 1000; израсходовав и эту сумму, возьмите следующую тысячу и так далее; только найдите Ливингстона.

— В таком случае,— сказал Стенли,— мне больше нечего прибавить. Желаете ли вы, чтобы я прямо ехал искать Ливингстона?

Нет, прежде чем направить Стенли в Африку, Беннет пожелал снарядить журналиста в страны, где происходили или назревали те или иные интересные для газеты события.

Чем же прежде всего руководствовался предприимчивый издатель газеты, отправляя Стенли, не стесняясь в средствах, в столь большую экспедицию? Разумеется, не филантропические цели, не спасение жизни Ливингстона преследовал этот делец — он стремился интересными, сенсационными статьями, присылаемыми Стенли из экспедиции, привлечь как можно больше читателей, поднять тираж газеты, а следовательно, увеличить прибыли предприятия и выйти победителем в конкурентной борьбе с соперниками.

Не случайно для реализации задуманного дела издатель выбрал Стенли. Ему хорошо была известна полная лишений, скитальческая жизнь этого человека, живые и красочные корреспонденции которого всегда охотно читали подписчики газеты. И в выборе Беннет не ошибся: еще до первого путешествия в Африку Стенли прошел суровую школу жизни, выработавшую в нем качества, столь необходимые каждому путешественнику,— выносливость в борьбе с лишениями и непреклонную волю к победе.

Тяжелое, безотрадное детство выпало на долю будущего путешественника. Родился Стенли1 в 1841 году в семье бедного фермера в местечке Денбиг, расположенном в юго-западной Англии, в Уэлсе. В первые годы жизни его воспитывал дед, который крепко любил мальчика, баловал и называл в шутку «человеком будущего». Дед умер, когда мальчику было пять лет. В жизни Стенли наступили еще более тяжелые времена, и мать

вынуждена была отдать ребенка на воспитание в чужую семью к соседу-фермеру, а сама пойти в услужение. Вскоре фермер потребовал увеличения платы за содержание мальчика к, не получив прибавки, решил отдать Стенли в приют. Генри было тогда семь лет. «Огромный дом, куда хитростью затащили меня, — писал он в автобиографии,— окруженный со всех сторон железными решетками, служил богадельней для старых нищих и приютом для бездомных детей. И те и другие помещались в различных корпусах здания и были строго отделены друг от друга. Но и те и другие жили, точно в тюрьме, и подчинялись самым строгим правилам».

Воспитанников в приюте, часто без всякой причины, подвергали суровым телесным наказаниям. Дети постоянно голодали, а зимой мерзли в неотапливаемых помещениях. Полное представление о жизни в таком приюте дает известный роман Ч. Диккенса «Оливер Твист». Подобно герою романа Диккенса, Стенли также не мог оставаться равнодушным к дарившим в приюте несправедливостям, Однажды за порчу нового стола, когда найти виновника не удалось, наставник начал подряд сечь весь класс розгами. В Стенли проснулось чувство протеста: он повалил своего истязателя на пол; совершенно не помня себя, схватил розги и начал что есть силы избивать лежащего на полу наставника, пока тот не потерял сознания. Это событие решило дальнейшую судьбу Стенли: ему ничего не оставалось делать, как немедленно бежать из приюта с одним из своих товарищей.

На свободе Стенли попал в затруднительное положение: форма приюта каждому указывала, что они беглецы.

Мальчики избегали встреч с людьми, выбирая самые глухие тропинки. Но голод заставил их пересилить боязнь быть пойманными и обратиться к людям за пищей. Они благополучно добрались до Денбига, где жила мать спутника Стенли. Она очень обрадовалась сыну, приласкала и накормила беглецов. По совету этой доброй женщины, Стенли обошел своих многочисленных родственников и рассказал им о тяжелом, бедственном положении. Несмотря на зажиточность и достаток, никто из них не принял в нем никакого участия.

Последняя надежда оставалась на двоюродного брата, служившего школьным учителем. Он согласился принять мальчика в школу, поручив ему уборку классов и наблюдение за порядком. Стенли отстал от товарищей по классу, и поэтому ему приходилось много заниматься. Брат был постоянно им недоволен, придирался к каждому пустяку, грубо и язвительно смеялся над его ошибками. От этих насмешек самолюбие мальчика очень сильно страдало.

Не прошло и года, как брат решил отослать Стенли в деревню к своей матери. Тетушка также никогда не упускала случая дать племяннику почувствовать, что она лишь из величайшей милости терпит его у себя в доме, хотя Стенли безропотно пас овец и исполнял все работы по дому. «Очень тяжело было сознавать,— писал Стенли,— что на меня все смотрят, как на отверженного, и выслушивать поэтому всякого рода замечания от детей и взрослых».

Только вдали от холодных, бессердечных людей, среди окружавшей его всегда прекрасной природы мальчик забывал грустную действительность и уносился мечтой к свободной жизни, полной увлекательных, кипучих приключений.

Однажды в деревню приехала одна из теток Стенли, и увезла его с собой в Ливерпуль. Здесь, в доме своей новой родственницы, Стенли впервые в жизни услышал обращенные к нему приветливые, добрые теплые слова. Большой приморский город с целым лесом мачт и труб, шумом и грохотом на пристани, толпой непрерывно движущихся куда-то людей ошеломил мальчика. Вскоре он освоился с новой обстановкой и стал подыскивать работу.

Наконец посчастливилось устроиться мальчиком в мелочную лавку. Но после двух месяцев изнурительного труда Стенли заболел и потерял место. Выздоровев, снова целый месяц бродил по улицам города, пока не поступил в мясную лавку поблизости от доков. Как-то раз хозяин поручил ему отнести корзину с покупками и счет капитану торгового судна «Виндермер». Пока капитан проверял счет, Стенли с нескрываемым изумлением и восторгом рассматривал его каюту. Заметив это, капитан предложил ему место юнги, которое Стенли не задумываясь, охотно принял. Спустя три дня «Виндермер» уже увозил Стенли в далекую Америку к новой, неизвестной жизни.

Во время плавания через океан Стенли сильно страдал от морской болезни, а еще больше от грубости и побоев боцмана. Поэтому, когда «Виндермер» прибыл в Новый Орлеан, Стенли решил, отказавшись от жалованья, которое выдавалось лишь в конце плавания, больше не возвращаться на ненавистный ему корабль. В то время Стенли было 15 лет.

Он поселился в Новом Орлеане и энергично принялся за поиски работы. Однажды после продолжительных скитаний Стенли познакомился с одним американцем, который принял в его судьбе живое участие. Благодетелем юноши был торговый посредник Стенли, впоследствии усыновивший Генри и давший будущему знаменитому путешественнику свое имя.

Новый знакомый устроил Генри на работу к своему

компаньону, где юноша впервые почувствовал себя человеком: он не был больше отверженным, с ним вежливо разговаривали, и он с каждым днем становился жизнерадостнее и увереннее в себе.

В обязанности Стенли входило помогать неграм грузить товары на вагонетки и надписывать адреса на тюках и ящиках. Работал он с большим подъемом: наконец-то ничто не оскорбляло в нем чувства собственного достоинства!

Жалованье Генри получал такое, что за вычетом всех расходов у него оставалась еще значительная сумма.

В нем проснулась ненасытная страсть к чтению, и он начал покупать книги. Особенно его интересовали книги по истории и географии. Вместе с героями книг он посещал отдаленные страны, переживая их приключения: преодолевал опасности, участвовал в битвах,- совершал подвиги. В конце концов чтение книг заполнило весь его досуг, полностью заменило другие развлечения.

Однажды Стенли старший, вернувшись из далекой поездки, пригласил юного Генри к себе домой и познакомил с женой. С тех пор Генри каждое воскресенье проводил в семье. Стенли и на ласковое, сердечное отношение супругов отвечал горячей, безграничной любовью. Со временем он так привязался к ним, что с полной откровенностью делился своими мыслями и чувствами.

Заботясь об образовании мальчика, супруги Стенли покупали и дарили ему дорогие книги, среди которых были сочинения Шекспира, Байрона, Ирвинга, Гольдсмита, Купера и др.

Летом 1859 года неожиданно умер от желтой лихорадки хозяин, у которого работал Генри. А вскоре и в доме Стенли произошло несчастье: тяжело заболела жена мистера Стенли. Так как сам мистер Стенли был в это время в отъезде, то ухаживать за больной должен был Генри.

В отпуске для ухода за больной новым хозяином было отказано, и Генри ничего не оставалось делать, как уволиться. Спустя несколько дней жена Стенли старшего тихо скончалась на руках у Генри.

В жизни Генри Стенли опять наступила полоса неудач.

Вновь начались упорные поиски работы. Юноша охотно брался за все: пилил дрова, нанимался на поденную работу, ухаживал за больными.

Между тем мистер Стенли все не возвращался, и юноша решил отправиться на его поиски. Когда он приехал в Сен-Луи, то оказалось, что мистер Стенли только что уехал домой в Новый Орлеан. Генри нанялся матросом на баржу с лесом, идущую в Новый Орлеан, и медленно поплыл вниз по Миссисипи. Во время этого плавания он имел возможность наблюдать своеобразную

природу и жизнь на большой судоходной реке.

Встреча с мистером Стенли была самая сердечная.

Они чувствовали, что их связывает нечто большее, чем дружба. Мистер Стенли решил больше не расставаться с Генри и усыновил его. Юноша вдруг очутился в непривычном для него положении любимого сына; он нашел друга и отца. С этого времени будущий путешественник получил имя Генри Стенли.

Приемный отец стал брать Генри во все свои деловые поездки по стране, постепенно посвящая его в подробности торговых сделок. Эти странствования продолжались в течение двух лет; они явились для Генри прекрасной школой, так как во время путешествия он не только знакомился со страной и ее обитателями, но и под руководством отца довольно много занимался своим образованием.

Во время одной из поездок Генри познакомился с плантатором из Арканзаса и поехал к нему погостить.

Отец и сын, расставаясь, никак не могли предположить, что они больше никогда не увидятся: Стенли- отец внезапно умер; Генри снова остался в одиночестве, без каких- либо средств к существованию, так как наследство досталось прямым родственникам умершего, не оставившего завещания.

Между тем в стране назревали крупные события: начиналась гражданская война между южными, рабовладельческими штатами и северными, свободными от рабства. Выступив вначале на стороне рабовладельцев — южан, Стенли попал вскоре в плен. В плену он переменил свои убеждения и подал прошение о зачислении в артиллерию северян. Но уже через месяц его признали негодным для военной службы, и он, больной, вернулся к штатской жизни.

Снова начались бесконечные скитания в поисках работы. Стенли работает сельским рабочим, поденщиком, матросом. Им овладело сильное желание увидеть родину, и на парусном судне Стенли отправился в Ливерпуль, а затем в Денбиг к матери. Он надеялся, что, увидев взрослого сына, мать, наконец, раскроет ему свои объятия.

Однако, как пишет Стенли, «мне ясно дали понять, что в глазах соседей я был позором для семьи и поэтому самое лучшее будет, если я поскорее уберусь отсюда».

* * *

Стенли вернулся в Америку и поступил матросом на торговое судно; он побывал в Испании, Италии и Вест- Индии. Все интересные наблюдения и приключения он заносил в записную книжку. Из этих беглых заметок мы узнаем, что однажды близ

берегов Испании он попал в кораблекрушение; из всей команды судна спасся лишь один Стенли. В это время он впервые попробовал писать короткие корреспонденции, которые посылал в английские и американские газеты. Их охотно читали, так как они были интересны по содержанию и написаны живым языком. Имя Стенли становится известным, и его приглашают корреспондентом в американский военный флот. Так началась его карьера журналиста.

Теперь Стенли мог осуществить свою давнишнюю мечту и отправиться в далекое путешествие. Вначале вместе с товарищем, разделявшим его вкусы, он спустился на утлой плоскодонной лодке вниз по Миссури. Это плавание было небезопасно: смельчаки рисковали попасть в руки индейцев, защищавших свою свободу и родную землю, или просто утонуть.

Из Бостона на парусном судне путешественники добрались до Малой Азии. Жители одной турецкой деревни чуть не убили путников; избитые и ограбленные, они оказались в тюрьме. Вернувшись в Америку, Стенли так живо и интересно описал эти приключения, что получил приглашение занять место постоянного корреспондента в большой влиятельной американской газете «Нью-Йорк Геральд».

С этого времени Стенли постоянно в разъездах: его посылают то в Абиссинию — сопровождать британскую военную экспедицию, то на остров Крит, где происходило восстание, то в Афины для описания королевских крестин и осмотра храмов и развалин, наконец в Испанию, где началась революция. Он быстро выучил испанский язык и даже писал статьи в испанскую газету. Все эти поездки явились хорошей подготовкой к его будущим большим путешествиям.

Отсюда, из Испании, в октябре 1869 года, как читателю известно, издатель газеты неожиданно вызвал Стенли в Париж и предложил ему отправиться в Центральную Африку на розыски известного английского путешественника Давида Ливингстона, который еще в конце 1866 года, покинув озеро Танганьика, углубился в места, где еще никогда не ступала нога европейца. С тех пор никаких сведений о нем в Европу не поступало.

Отправиться в первое большое африканское путешествие Стенли пришлось лишь в начале 1871 года, так как издатель газеты поручил ему до экспедиции в глубь Африки побывать на открытии Суэцкого канала, в Иерусалиме, Турции, Крыму, Одессе, Тифлисе, Персии и, наконец, в Индии. Только выполнив эту обширную программу, Стенли получил возможность приступить к подготовке спасательной африканской экспедиции. Не имея опыта снаряжения столь сложной экспедиции, Стенли прежде

всего постарался перечитать описания всех экспедиций в

Африку, но ни в одной книге не нашел нужных указаний о снаряжении. Тогда он решил действовать по своему усмотрению. Прежде всего расспросил арабских купцов, торгующих слоновой костью, об условиях путешествия по внутренним областям Африки и на основании этих сведений составил план и смету экспедиции. Стенли с энтузиазмом взялся за дело с твердой уверенностью во что бы то ни стало достигнуть цели. Его увлекла мысль проникнуть в тайны еще неведомых центральных районов африканского материка.

...Путешественник высадился на восточном берегу Африки, в Багамойо — небольшой гавани, расположенной против острова Занзибара. Стенли понимал, что успех экспедиции во многом зависел от ее подготовки, поэтому он особенно тщательно запасся продовольствием, лекарствами, оружием, а также различными безделушками для меновой торговли — бусами, медной проволокой, материей и т. п. Немало хлопот стоило нанять вооруженный конвой и многочисленных носильщиков.

Наконец, экспедиция в составе 192 человек была сформирована. Стенли разбил ее на пять самостоятельных караванов, которые один за другим отправлял в глубь Африки.

21 марта 1871 года с последним караваном сам путешественник выступил на запад.

...Кончились обработанные поля, на которых зрели арбузы, огурцы, маниок... Тропинка пошла через тростниковое болото, сменившееся затем акациевой рощей; далее взору путешественников открылась бесконечная травянистая степь. Повсюду виднелись разбегавшиеся при приближении каравана антилопы. Солнце нестерпимо жгло.

Вскоре Стенли достиг мутной реки Кингани, в которой водились бегемоты. Перейти реку оказалось далеко не простым делом. Пришлось строить мост, на что ушло много драгоценного времени. Из воды то и дело показывались огромные головы бегемотов.

В травяных зарослях встречались всевозможные птицы, среди которых преобладали цесарки, золотые фазаны, кулики, ибисы... Тропинка, сильно извиваясь, то поднималась по склону холма вверх, то спускалась в долину, поросшую кустарником и небольшими рощицами.

Сознание того, что путь, по которому шли, в то время еще не посещался ни одним европейцем, доставляло Стенли большое удовлетворение.

В течение многих дней перед путешественниками расстилались зелеными волнами все те же холмистые, уходящие

к западу параллельными грядами беспредельные травянистые пространства с разбросанными тут и там рощами и густым колючим акациевым кустарником.

На ночлег караван обычно останавливался в деревнях.

Однажды, чтобы добыть к ужину мясной пищи, Стенли вышел из лагеря и углубился в кустарниковые заросли.

Пока он двигался по проложенной антилопами тропе, все шло хорошо, но вот он потерял след и вскоре окончательно заблудился. Определив при помощи компаса направление, попытался идти напрямик к деревне, но, как только вступил в кустарник, ветвь акации зацепилась за его брюки и разорвала их. Это было лишь начало бедствий; вскоре Стенли на четвереньках, подобно собаке, пробирался через цепляющийся со всех сторон кустарник, не оставивший в конце концов на его платье ни одного живого места. В спертом, душном воздухе густых зарослей было жарко; градом лил пот, который вымочил лохмотья Стенли так, будто он попал под сильный ливень. Выбравшись на тропинку, путешественник дал себе слово никогда больше не проникать в чащу африканских кустарниковых зарослей.

С каждым днем природа Африки раскрывала перед путешественником все более величественные и прекрасные стороны. Но путешествие омрачали начавшиеся болезни; слег в сильной лихорадке переводчик, затем повар, портной и другие; погибли и обе лошади Стенли. Физические и нравственные силы людей истощались. Началось дезертирство и воровство. Все чаще приходилось останавливаться на отдых.

Между тем дорога ухудшилась. Травянистые саванны кончились, и теперь путь лежал через кустарниковые заросли, насыщенные ядовитым резким запахом гниющих растений. По обе стороны узкой тропы стеной возвышались колючие растения, поминутно задевавшие за вьюки.

В непосильной борьбе с препятствиями люди и животные выбивались из сил.

Временами путешественники встречали толпы закованных африканцев, которых гнали на восток для продажи в рабство. Цепи были так тяжелы, что на них можно было бы вести слонов.

Наступил период дождей. Маленькие ручьи превратились в бурные реки, а равнины — в непроходимые болота.

Однако Стенли, как только прекращался дождь, продолжал двигаться к цели, переправляясь подчас по шатким мостам через топи и сильно разлившиеся реки. Размокшая от дождей почва прилипала к ногам людей и животных, затрудняя ходьбу и вконец изматывая их силы.

Холмистая равнина сменилась горами. Здесь Стенли

повстречался с большим караваном носильщиков, нагруженных слоновой костью. Во главе каравана был знакомый Стенли араб, он сообщил ему первые сведения о Ливингстоне. Араб встретил старого путешественника на берегу озера Танганьика, в Уджиджи, и около двух недель прожил в соседней с ним хижине.

Дожди не прекращались, и путешественники шли под вечно плачущим небом по бесконечным, затопленным водой пространствам. Ослы, погружаясь в ил, словно пускали в него корни; только плетка заставляла их двигаться дальше. Едва удавалось каравану пересечь равнину, как дорогу неожиданно преграждал наполненный водой овраг.

Приходилось развьючивать ослов, перетаскивать их через поток и на другом берегу снова нагружать. Такие препятствия встречались на каждом шагу. Иногда шли по глубокой воде в течение нескольких часов. Можно смело утверждать, что караван двигался по непроходимой в это время года саванне.

Наконец, через 39 дней дожди прекратились. Дорого обошлась экспедиции эта борьба с болотами и дождем!

В караванах было много больных, продукты и снаряжение промокли и гнили, силы людей и животных были на грани полного истощения, много ослов погибло. Сам Стенли сначала болел лихорадкой, а затем дизентерией, которая чуть не свела его в могилу. Он горько сожалел, что предпринял путешествие незадолго до начала дождливого периода.

Экспедиция подошла к большому селению, окруженному толстым глиняным валом, из-за которого виднелись конусообразные кровли домов, построенных из бамбука и стволов пальм. По каменистому руслу журчала река; она невольно манила к себе усталого путника прозрачной, как хрусталь, водой.

Дальнейший путь снова пролегал через горы. Начались изнурительные подъемы на вершины и спуски в сумрачные глубины низко лежащих долин, поросших камышом, тростником и терновником. На крутых склонах гор лепился жесткий тамариск, мимозы и акации.

Трудности пути подорвали здоровье и сломили волю двух белых помощников Стенли. Они плохо исполняли его приказания и в конце концов стали обузой для экспедиции. Однажды на биваке, когда Стенли уже лежал в постели, он услышал выстрел. Пуля пробила его палатку и пролетела всего лишь в нескольких дюймах над ним.

Выскочив из палатки и узнав от сидевших у костров носильщиков, что выстрел был сделан из палатки его белого спутника, он пошел к нему. Стрелявший притворился спящим. Выдало преступника еще не остывшее ружье.

Несмотря на явные доказательства преднамеренности выстрела, Стенли сделал вид, что поверил преступнику, который утверждал, будто бы выстрелил под впечатлением приснившегося ему сна. Трудно было себе представить, на что надеялся покушавшийся в случае удачи!..

Горы кончились; теперь перед путешественниками лежала безводная пустыня. Эту узкую, вклинившуюся в саванны полосу предстояло преодолеть за несколько переходов. В пути со Стенли опять произошел сильнейший приступ лихорадки. Останавливаться в пустыне было невозможно, поэтому больного несли в гамаке четверо солдат. Такие припадки болезни повторялись еще не раз, подрывая и истощая силы.

Экспедиция проходила через деревни, население которых никогда не видело белого человека. Поэтому путешественников сопровождали толпы мужчин, женщин и детей; криками и смехом они выказывали свой восторг при виде столь необыкновенного для них зрелища. В одной из деревень старик-араб почтенной наружности с белоснежной бородой подарил Стенли козу и козлиную шкуру, наполненную прекрасным белым рисом.

В караване появилась оспа — самая страшная африканская болезнь. Время от времени падали изнемогающие больные; их безжалостно оставляли на дороге на верную смерть; однако движение каравана, подобно кораблю во время урагана, не прекращалось.

Под звуки рогов и труб экспедиция торжественно вступала в Унианиембэ, или Табору,— главное арабское поселение в Центральной Африке. В городе в то время уже было более тысячи хижин с населением свыше 5000 человек. Путешественников приветствовали вышедшие им навстречу представители города и толпы любопытных. Стенли в честь торжественной встречи распорядился дать несколько залпов из ружей. В городе собрались все отряды экспедиции.

Путешественникам отвели большой дом, в котором было несколько комнат, кухня и кладовая. Стенли наслаждался комфортом, на который он никак не мог рассчитывать в столь отдаленном районе Центральной Африки.

Внешний вид и одежда арабов красноречиво свидетельствовали о их богатстве. Город расположен в плодородной долине. Повсюду виднелись возделанные поля риса и пшеницы, а по склонам гор паслись большие стада крупного рогатого скота и коз. Дома окружали лимонные и апельсиновые сады. Комнаты богатых арабов были роскошно меблированы, украшены картинами, посудой и утопали в персидских коврах. Арабы вели торговлю с Занзибаром, откуда привозили

недостающие продукты, одежду и предметы восточной роскоши.

Стенли прибыл в Табору как раз когда начиналась очередная междоусобная война. Из-за военных действий кратчайший путь на запад был закрыт. Напрасно потеряв более трех месяцев, Стенли решил двигаться вперед свободной от неприятеля, более дикой и пустынной южной дорогой.

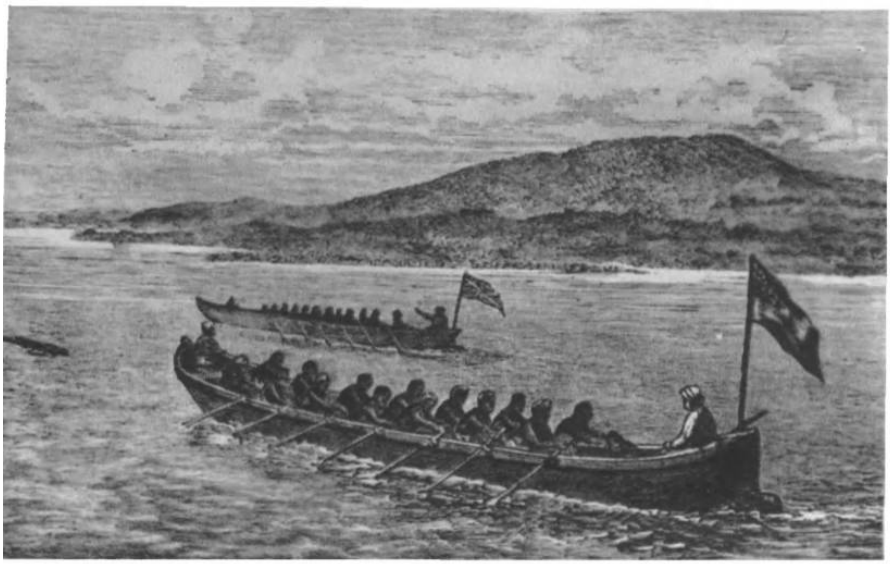
С высокого горного хребта открывался вид на нескончаемый низкорослый лес, уходящий широкими зелеными волнами вдаль, к подернутому дымкой горизонту. Вблизи же один над другим возвышались отдельные шапки зеленых холмов; они четко вырисовывались на фоне безоблачного неба, постепенно исчезая в туманной красновато-синей дали... Изредка встречались небольшие, затерянные в лесу деревеньки; жители их оказывали путешественникам дружелюбный прием. Однажды Стенли разбил лагерь у старой, полусгнившей хижины под тенью гигантской смоковницы. Это было самое великолепное дерево из всех деревьев этого рода, встречавшихся Стенли в Африке. В тени раскидистой кроны смоковницы свободно мог разместиться целый полк солдат. По мере приближения к открытой равнине лес стал редеть и дорога улучшилась. Перед путниками снова лежала кустарниковая саванна. Здесь и там над кустами возвышались длинные шеи жирафов. Степь дышала зноем. Вновь вступали в страну, изобилующую всевозможной дичью.

Когда достигли возделанных полей, окружавших деревню Маниару, и подошли к ее воротам, то было объявлено, что страна находится на военном положении, а поэтому вход в селение невозможен. Лагерь пришлось разбить вблизи деревни на берегу озера с чистой, прозрачной водой. Правитель деревни, султан, сначала был очень несговорчив и категорически отказался входить в какие- либо торговые отношения с белым человеком. Только щедрые подарки сломили его упрямство, и нужные продукты были получены в изобилии.

Вскоре и сам султан в сопровождении свиты пожаловал в лагерь, чтобы посмотреть на первого белого человека, посетившего его страну. Для приема важного гостя Стенли украсил свою палатку медвежьей шкурой и персидским ковром, а кровать покрыл красным сукном.

Генри Стенли

Движение каравана Стенли в период дождей



Плавание по озеру Танганьика

Вид белого человека и окружающая его обстановка произвели на гостей ошеломляющее впечатление. Они напряженно

всматривались и внимательно изучали сначала лицо Стенли, затем его одежду и, наконец, оружие. Несколько раз, взглянув друг на друга, они разражались неудержимым смехом, сопровождаемым прищелкиванием пальцев. В восторге гости хватали друг друга за указательный палец, вертели его и дергали так сильно, что казалось, будто они собираются оторвать его или вывихнуть.

Ящик с лекарствами также вызвал у африканцев бурю восторга. Стенли дал им попробовать ложку спирта и понюхать крепкого нашатырного спирта...

...Дорога теперь шла среди редких раскидистых мимоз и акаций. Когда караван поднимался на холмы, то перед путешественниками открывался далекий вид на полные жизни парковые леса саванны. По мягкой, бархатистой молодой траве бродили большие стада буйволов и зебр, жирафов и антилоп. От знойных лучей солнца они спасались в прохладной, благодатной тени зонтикообразных крон деревьев. При виде такого обилия животной жизни сердце путешественника невольно забилось сильнее: он попал в настоящий охотничий рай!

Разбив лагерь на берегу полноводной реки Гамбе, Стенли отправился на охоту. Уже вскоре ему удалось убить грациозную антилопу, а пройдя несколько дальше, он невольно залюбовался открывшейся перед ним сценой: на берегу реки тихо и мирно играло около десятка зебр; животные бегали по кругу, стараясь укусить друг друга за холку. Как ни жаль было этих прекрасных животных, но выстрел сделан, и одна из зебр осталась лежать на траве.

Тихие, спокойные воды реки так и манили усталого путника выкупаться. Отыскав тенистое место под раскидистой мимозой, Стенли только приготовился нырнуть, как вдруг увидел совсем рядом на поверхности реки какой-то длинный предмет, Вглядевшись, узнал крокодила и инстинктивно отскочил назад. Еще какое-нибудь мгновение, и он попал бы прямо в пасть чудовищу. С тех пор Стенли дал себе слово никогда не соблазняться вероломной тишиной африканских рек.

Для большого многодневного перехода через пустынную местность Стенли в течение трех дней усиленно охотился и заготовлял мясо. С большим трудом удалось заставить носильщиков выступить в поход: расстаться с обильной свежей мясной пищей было выше их сил. В пути носильщики отказались идти дальше, а двое даже направили на Стенли ружья. Только выдержка и хладнокровие путешественника спасли положение. Бунт был подавлен, мир восстановлен, и караван выступил вперед. Еще не раз попадал Стенли в подобное положение, но

всегда все оканчивалось благополучно.

Слухи о войне в местности, лежащей на пути экспедиции, заставили Стенли несколько изменить маршрут и пробираться к озеру Танганьика через густые леса по тропинкам, проложенным слонами. В лесу в изобилии росли дикие персиковые деревья, усыпанные спелыми плодами. Пока встречались в лесу эти вкусные плоды, путешественникам не угрожала голодная смерть.

Как-то раз на опушке леса Стенли впервые встретил стадо слонов. Это зрелище произвело на него сильное, незабываемое впечатление. Заметив караван, слоны остановились, внимательно проводили его глазами, а затем спокойно и величественно, с полным сознанием своей силы удалились в лес.

Ночью вокруг лагеря бродили львы, своим грозным рычаньем нарушая сон усталых путников. Но близко к лагерю они не подходили.

Дорога теперь шла зигзагами среди гор. Приходилось пересекать множество болотистых оврагов, иногда проваливаясь в глубокие ямы, наполненные грязной водой. Экспедиция проходила по стране, сильно пострадавшей от войны: всюду встречались безлюдные, разрушенные селения. Порой удавалось останавливаться на ночь в покинутых жителями, но хорошо сохранившихся деревнях.

Вскоре горы уступили место широкой травянистой равнине. Затем дорога пошла под сенью густого, высокоствольного тенистого леса, хорошо защищавшего караван от жарких лучей солнца.

Продукты кончились, а пополнить запасы было негде, так как населенные деревни по пути не встречались. Начался голод. Но вот лес неожиданно кончился, и караван очутился среди засеянных полей, вдалеке виднелась деревня. Здесь оказалось много продуктов, и путники насладились заслуженной трудами и лишениями обильной трапезой.

Тем временем с берегов Танганьики прибыл большой караван африканцев, которые сообщили, что в Уджиджи только что прибыл белый человек. По всем признакам это был Давид Ливингстон. Стенли решил немедленно, без остановок, двинуться в дорогу.

Последняя часть пути пролегала по волнистой равнине. Встречались богатые деревни, но вожди племен за проход через их земли брали с путешественников большие пошлины, вконец разорявшие их.

Чтобы сохранить товары, которые везли для Ливингстона, Стенли решил пробираться тайно, минуя деревни.

Он нанял проводника, запасся продовольствием, и лунной

ночью в полной тишине партиями по четыре человека, крадучись, выступил в поход, решив добраться до Уджиджи за четыре дня.

Все были воодушевлены и горели единым желанием как можно скорее достигнуть теперь уже близкой цели.

Антилопы и буйволы словно дразнили охотников, не решавшихся стрелять из опасения выдать свое присутствие.

Люди прокладывали дорогу через заросли жесткой травы, ранившей их голые ноги.

Наконец, с вершины горы увидели долгожданное озеро Танганьика. Восторг, охвативший Стенли, не поддается описанию! Перед ним лежала обширная водная равнина, как бы залитая серебром, над которой повис прозрачный голубой свод неба. Края озера образовывали высокие горы, окаймленные, словно бахромой, пальмовыми лесами.

Но долго любоваться открывшимся видом не пришлось: надо было быстро продвигаться вперед. И вот, взобравшись на последнюю из бесчисленных горных вершин, которые пришлось преодолеть, путешественники увидели у своих ног в зелени пальмовых рощ порт Уджиджи.

Забыты все трудности и опасности пути. Стенли дал несколько ружейных залпов, развернул американский флаг и вступил в Уджиджи.

Когда Стенли увидел Давида Ливингстона, его охватило сильное волнение. Захотелось, как это часто бывает в таких случаях, выразить свою радость каким-нибудь нелепым поступком, ну, скажем, кувыркаться, стегать бичом деревья и т. п. Но, чтобы не уронить своего достоинства, Стенли должен был выражать на своем лице спокойствие и выдержку.

Ливингстон пригласил Стенли к себе в хижину, и полился нескончаемый дивный рассказ великого путешественника о деяниях и происшествиях последних пяти-шести лет. Проходили часы, а собеседники все сидели, перебирая замечательные события, волновавшие мир за эти годы.

Между тем спустился вечер. В наступившей тишине теперь отчетливо слышался неугомонный хор ночных насекомых и шум прибоя у берегов великого озера Танганьика.

Дни проходили за днями, и чем больше Стенли узнавал Ливингстона, тем большим уважением проникался к этому отважному, самоотверженному исследователю.

Стенли явился как раз вовремя, так как Ливингстон, лишившись всех своих товаров, находился в крайне затруднительном положении. Его здоровье и расположение духа после приезда Стенли постепенно улучшались, и он решил продолжить начатые, но не конченные исследования.

— Видели ли вы северную оконечность Танганьики, доктор? — спросил Стенли однажды.

— Нет. Если бы я отправился к истокам Танганьики, то не побывал бы в Маниуеме. Главная река бассейна наиболее интересна, и эта река Луалаба. Перед задачей ее исследования вопрос о том, существует ли связь между Танганьикой и озером Альберта, теряет свое значение.

— Если бы я был на вашем месте, доктор, то, прежде чем оставить Уджиджи, исследовал бы озеро и разрешил бы эти сомнения. Дело в том, что Королевское географическое общество считает, что вы единственный человек, который может заняться этим вопросом. Хотя я пришел в Африку не как исследователь, но и я желал бы сопровождать вас. Со мной около 20 человек, умеющих грести; у нас вдоволь ружей, материи, бус, и если нам удастся достать у арабов лодку, то мы легко можем устроить это дело.

— О, лодку мы можем достать! — воскликнул Ливингстон.

— Итак, решено, мы едем, не правда ли?

— Я готов.

Путешественники решили не теряя времени отправиться к северным берегам озера Танганьика, чтобы выяснить, вытекает ли из озера какая-либо река и куда она впадает.

Всего на лодке плыло 23 человека; гребцов среди них было 17.

Лодка медленно скользила по зеркальной, темно-зеленой поверхности словно застывшего озера. Из воды то и дело высовывали головы бегемоты и, запасшись воздухом, снова погружались в воду. Плыли вдоль крутых гористых берегов, покрытых рощами и лугами. Многие деревья были в цвету; от них струился тонкий приятный аромат. Разнообразные формы холмов в виде пирамид, усеченных конусов, с плоскими вершинами или с вершинами круглыми, как шапка, придавали берегам удивительно привлекательный вид. Путешественники, как зачарованные, любовались постоянно менявшимися величественными картинами чудной природы.

На берегу удобных бухт, в тени рощ из пальм, бананов, платанов и мимоз встречались маленькие рыбачьи деревни. Озеро с избытком обеспечивало население рыбой, а поля хлебом и овощами; пальмовое дерево давало масло, а смоковница сладкие плоды. Словом, природа этого благодатного уголка щедро награждала человека воем необходимым.

По временам горы расступались, пропуская широкие долины, по которым текли реки, образующие при своем впадении в озеро сильно заболоченные, поросшие папирусом дельты. Горы то

приближались к берегу, круто спускаясь к воде, то отступали далеко от него; тогда побережье занимала наносная равнина.

Однажды путешественники укрылись от надвигавшегося шторма в уютной бухте. Пока носильщики вытаскивали из воды лодку и готовились к ночлегу, Ливингстон взобрался на соседний холм, а Стенли тем временем прилег отдохнуть. Вдруг к нему в палатку вбежал один из проводников с сообщением, что к лагерю приближаются воинственно настроенные местные жители. Стенли поспешил выйти из палатки. Тем временем его люди в целях самообороны навели заряженные ружья на возбужденную толпу, которая с каждой минутой росла.

Между тем вернулся Ливингстон. Узнав, что пришедшие требуют, чтобы путешественники немедленно покинули их земли, он, посоветовавшись со Стенли и проводниками, решил предложить вождю племени подарки. Ливингстон говорил с народом мягким, спокойным голосом, но возбуждение толпы все возрастало. В конце концов жители приняли подарки, и кровопролитие на этот раз было предотвращено. Подобные столкновения случались еще не один раз... И всякий раз Стенли учился у Ливингстона выдержке и умению улаживать острые конфликты мирным путем.

Чтобы избежать пошлин, путешественники останавливались в деревнях лишь в крайнем случае. Добравшись до северного верховья озера, Ливингстон и Стенли разыскали реку Рузизи. Оказалось, что она не вытекает из озера, как предполагалось, а, наоборот, впадает в него, образуя обширную, разветвленную дельту. Главное русло имело сильное течение и незначительную глубину. Исследователи убедились, что река изобиловала крокодилами,

бегемотов же вообще не встречалось. Это также свидетельствовало о мелководье реки.

Цель поездки была достигнута, поэтому решено было вернуться. Поездка по озеру Танганьика продолжалась 28 дней; за это время пройдено на лодке более 500 км.

Дома, сидя на медвежьей шкуре или на ярком персидском ковре и чистых циновках, путешественники наслаждались заслуженным отдыхом и вспоминали только что пережитые приключения. Пора было подумать о возвращении на родину. Стенли издалека стал наводить разговор на эту тему, стараясь убедить Ливингстона вернуться в Европу. Но тот всякий раз отвечал, что тронется домой только когда закончит открытие истоков Нила.

Ливингстон согласился сопровождать Стенли до Таборы, надеясь найти там вещи, присланные ему из Занзибара еще в

1870 году британским консулом. Избрав более безопасный путь, путешественники вначале на двух лодках плыли по озеру Танганьика в южном направлении.

Затем, простившись с озером, экспедиция повернула на восток. Путь приходилось прокладывать через высокую траву по компасу. Ливингстон и Стенли были первыми европейцами, посетившими эти места.

Однажды, выйдя из лагеря на охоту, Стенли неожиданно встретил слона; его огромные уши были подняты, как паруса. Оправившись от изумления, Стенли счел благоразумным как можно скорее удалиться. Часто встречались небольшие стада жирафов. Только после нескольких неудачных попыток Стенли, наконец, удалось убить это своеобразное животное и приобрести редкую шкуру жирафа.

Начавшиеся дожди сильно мешали движению экспедиции, а главное — они разогнали животных, и поэтому охота, на которую возлагались большие надежды, была далеко не всегда успешной.

Наконец, спустя 53 дня после выступления из Уджиджи, экспедиция прибыла в Табору. После всех трудностей путешественникам показалось, что они попали в земной рай!

14 марта 1872 года Стенли навсегда расстался с Ливингстоном, к которому успел привязаться всей душой; они прожили вместе 4 месяца и 4 дня. Стенли не раз подчеркивал, что за время совместной жизни узы дружбы, связывающие его с Ливингстоном, с каждым днем крепли, а уважение к великому путешественнику все возрастало.

«В Ливингстоне я нашел много привлекательных черт,— писал впоследствии Стенли.— Добродушие и надежды никогда не покидали его. Ни мучительная тоска, ни душевное беспокойство, ни долгая разлука с семьей и родиной не могли заставить его пожаловаться на судьбу.

...Когда он начинал смеяться, то смех его заражал окружающих, и я хохотал вместе с ним...

Истомленные черты лица, поразившие меня при первом свидании, тяжелая поступь, указывавшая на преклонный возраст и перенесенные труды, седая борода и сутуловатые плечи создавали ошибочное представление об этом человеке. Под этой внешностью скрывался неисчерпаемый запас остроумия и юмора; эта грубая оболочка скрывала молодую и в высшей степени пылкую душу.

Каждый день я слушал бесчисленные шутки, забавные анекдоты и интересные охотничьи приключения»...

Уже в первые дни совместной жизни Стенли как-то раз, улучив удобный момент, спросил Ливингстона, нет ли у него

желания поскорее возвратиться на родину, что- бы отдохнуть после шестилетних трудов. В ответе Ливингстона как нельзя лучше проявился характер великого путешественника. Он сказал:

— Я очень хотел бы возвратиться домой и еще раз увидеть моих детей, но я не могу заставить свое сердце отказаться от начатого дела, когда оно так близко к окончанию. Мне нужно всего каких-нибудь шесть-семь месяцев, чтобы связать открытые мной источники с рукавом

Белого Нила или с озером Альберта. Зачем же я поеду домой прежде окончания дела, чтобы потом снова возвращаться сюда оканчивать то, что я легко могу сделать теперь же?..

Наконец, наступил день, когда спутники должны были расстаться. Уже на рассвете все были на ногах. Но путешественники старательно придумывали какое-нибудь общее дело, чтобы подольше оставаться вместе.

— Доктор,— сказал Стенли,— я оставлю с вами двоих людей, которые пробудут здесь сегодня и завтра на случай, если вы что-либо забыли сообщить мне. А теперь нам нужно расстаться — этого не миновать. Прощайте.

— О нет, я провожу вас немного. Мне хочется посмотреть, как вы выступите в поход.

— Благодарю вас. Ну, молодцы мои, домой!

Они пошли рядом. Стенли пристально всматривался в Ливингстона, стараясь еще лучше запечатлеть в памяти дорогие ему черты великого путешественника.

— А теперь, дорогой доктор, и лучшие друзья должны расставаться,— сказал Стенли.— Вы слишком далеко уже проводили меня. Позвольте попросить вас вернуться.

— Хорошо,— согласился Ливингстон,— и я скажу вам: вы сделали то, что могут сделать немногие, и гораздо лучше, нежели некоторые из известных мне великих путешественников. Я признателен вам за то, что вы сделали для меня. Желаю вам благополучного возвращения домой.

— Желаю и вам благополучно возвратиться к нам, мой дорогой друг,— произнес Стенли.— Прощайте!

Друзья крепко пожали друг другу руки.

На обратном пути Стенли опять сопровождали дожди; они шли не переставая ни днем, ни ночью. Путники вязли по пояс в грязи, тонули в глубоких ямах, их преследовали тучи черных москитов. Словом, трудности и приключения по дороге к берегу океана были не меньшие, чем по пути в Центральную Африку.

6 мая 1872 года в городе Богамойо путешествие закончилось. На другой день Стенли переправился в Занзибар и вскоре отбыл в Европу. Цель экспедиции была достигнута: Ливингстон был

найден.

О своем путешествии Стенли написал много статей, а также большую книгу «Как я отыскал Ливингстона», в которой подробно изложил весь ход экспедиций, свои открытия и приключения в Африке. Стенли выступал с горячим призывом к широкой колонизации Африки, опровергая сказки об ужасах тропической природы этой богатейшей части света. Описывая природные богатства Африки, Стенли не скупился на краски; Африка в его описаниях выглядит как огромная, обетованная земля, которая только и ждет европейских колонизаторов. Прямо обращаясь к англичанам и призывая их усилить колонизацию Восточной Африки, он писал: «Я уверен, что они пробьют себе дорогу своими здоровыми локтями, не смущаясь горем и радостью тех, кто преграждает им путь». Ясно, что эти выступления Стенли не могли пройти мимо внимания тех, к кому они были обращены.

В Европу пришло известие о смерти Ливингстона. Он умер от дизентерии 4 мая 1873 года, так и не закончив своих исследований. Стенли принимает решение продолжить исследования Ливингстона и окончательно разгадать тайну истоков Нила, занимавшую лучшие умы человечества еще со времен Геродота. Финансировать экспедицию охотно согласилась та же газета «Нью-Йорк Геральд» и английская газета «Дейли Телеграф».

21 сентября 1874 года путешественник высадился в Занзибаре, а уже 17 ноября во главе большого каравана выступил в глубь Африки. Общий вес грузов превышал 8 тонн; для его переноски потребовалось более 300 носильщиков. Помощниками исследователя были англичане — братья Покок и Фридрих Баркер.

Снова болезни, голод, вооруженные столкновения с отстаивающими свою свободу и независимость африканцами и, наконец, наступившее дождливое время — все эти хорошо знакомые Стенли трудности обрушились на головы путешественников; невзгоды усугублялись громоздкостью всей экспедиции, в которой в общей сложности участвовало 366 человек.

Через два с половиной месяца экспедиция достигла озера Виктория, потеряв при этом более 160 человек; среди оставшихся половина людей была больна.

Стенли занялся подготовкой к исследованию озера Виктория. В то время еще никто не знал, как далеко оно простирается на запад и восток. Существовали предположения, что это не одно большое озеро, а группа мелких озер. Мир еще ничего не знал о странах, лежащих по берегам озера, и населяющих их племенах.

Но главное, что интересовало исследователя,— какие реки берут начало из озера и действительно ли здесь зарождается могучий Нил.

Лучше всего можно было исследовать озеро, объехав его на лодке, которую доставили в разобранном виде на плечах носильщики. Но тут Стенли столкнулся с главным препятствием — его люди не умели грести и к тому же боялись воды. Добровольно никто не соглашался с нимехать. Тогда он отобрал десять матросов из числа наиболее сметливых и храбрых и приказал им спускать лодки в воду. Основные силы экспедиции он оставил на берегу.

Вскоре судно, развернув парус, как птица, понеслось по неведомым волнам к востоку. Всюду на низком илистом побережье ревели в камышах бегемоты; порой они приближались к лодке, угрожая опрокинуть ее; на отмелях неподвижно лежали крокодилы.

Плавание по бурному озеру-морю оказалось нелегким.

Разразившаяся буря заставила перепуганную, неопытную команду попрятаться на дно лодки. Только выдержка и хладнокровие Стенли спасли людей от казалось бы неминуемой гибели. Всякий раз, как только путешественники высаживались на берег, на них нападали африканцы.

Через три недели плавания путешественники прибыли к берегам Уганды — могущественного государства Центральной Африки; здесь им был оказан радушный прием, и Стенли решил перевезти в этот богатый, благодатный край всю экспедицию. Попросив лодок, отправились на

юг. Но начальник флотилии лодок вскоре вернулся, бросив Стенли на произвол судьбы. Путешественники оказались в ужасном положении. При попытке высадиться на берег их захватили в плен. Тогда Стенли прибегнул к хитрости: в то время как африканцы занялись рассматриванием захваченных товаров, он незаметно приказал спустить лодку на воду. Беглецы оказались на озере без весел и продовольствия...

Стенли застал экспедицию в тяжелом положении. Многие умерли от дизентерии. Собрав нужное число лодок, Стенли с оставшимися в живых членами экспедиции отплыл на север. Это плавание было сопряжено со всевозможными опасностями: вначале буря разбросала лодки, затем произошла кровопролитная ссора между носильщиками, наконец, на путешественников напали соединенные силы враждебных племен. Но в самый критический момент боя на похмощь Стенли подоспел посланный на его розыски правителем Уганды отряд войск, который и решил исход сражения.

Стенли оказал значительную услугу вождю народа Уганды, который вел в то время длительную междоусобную войну с укрепившимся на одном из островов озера Виктория соседним племенем. По проекту путешественника на трех лодках соорудили плавучую крепость, при одном виде которой противника охватил такой ужас, что он немедленно сдался. В благодарность за помощь

Стенли получил для защиты большой и сильный военный отряд.

Плавание по озеру Виктория позволило Стенли определить, хотя и в грубых чертах, береговую линию озера и его размеры. Он познакомился с обитателями берегов озера и нанес на карту реку Кагера — юго-западный приток озера. Наконец, побывал у истоков Нила, вытекавшего из озера Виктория. Теперь Стенли оставалось решить последнюю и главную задачу, ту загадку, разрешить которую Ливингстону помешала смерть. Оставалось определить, что такое река Луалаба — один из истоков Нила или начало Конго?

Экспедиция вышла в восточном направлении; вскоре встретилось большое войско, при виде которого охранявшие караван воины отказались следовать дальше и вернулись домой. Чтобы избежать военных действий, экспедиция вынуждена была повернуть на юг, к озеру Танганьика.

В Уджиджи вое живо напомнило Стенли о его совместной жизни с Ливингстоном. Снова объехал все озеро, открыв несколько впадающих и вытекающих из Танганьики рек. Он заметил, что за время его отсутствия уровень воды в озере значительно повысился.

— Танганьика ест землю! — говорили местные жители. Они жаловались, что скоро придется бросить дома и перебираться куда-нибудь повыше.

— Скажите, куда уходит вода озера? — спросил

Стенли.

— Она уходит на север, а потом приходит назад,— отвечали жители.

— Разве нет реки, которая течет на запад?

— Мы ничего не слыхали о такой реке.

Этот ответ не смутил Стенли; тем тщательнее решил он обследовать западный берег, вдоль которого лежал путь обратно в Уджиджи.

Постепенно берега понижались; широкие отмели то и дело преграждали путешественнику путь. Вот показалась вместительная бухта, суда входят в бухту, суживающуюся в виде воронки; берега поросли густыми камышами и папирусом.

— Река Лукуга,— говорит проводник, указывая вперед. Но там ничто не напоминало реки, вытекающей из озера: вода была мутно-красная, а не прозрачная, как в озере; брошенные на воду деревянные поплавки плыли обратно в озеро, хотя ветер вряд ли оказывал на них влияние.

Берега, наконец, сильно сблизились, и суда вскоре остановились перед сплошной стеной камыша и папируса.

Чтобы выяснить окончательно, в каком направлении движется вода, Стенли пустил в воду деревянный круг и стал внимательно за ним наблюдать. Через час этот круг продвинулся в сторону от озера к зарослям камыша на 257 м. Когда же ветер стих, проплыл в час 190 м,

но уже в обратном направлении. Загадка оставалась неразгаданной. Стенли осмотрел окрестности в подзорную трубу. Перед ним расстилалась все та же широкая низина, заросшая высоким папирусом; лишь кое-где сверкали участки открытой воды.

На другой день путешественник проник в глубь этого болота и тут только обнаружил, что вода медленно ползла на запад. Течение в реке едва улавливалось. Когда же уровень озера поднимался на 1—2 м, то излишек воды свободно устремлялся именно по этой низине. В последующие годы уровень воды в Танганьике продолжал повышаться и напор воды прорвал закрывавшие проток заросли. Воды озера широким потоком устремились на запад, в Луалабу.

Севернее берега снова повышались и вскоре перешли в настоящую горную страну. Повсюду виднелись мрачные ущелья и низвергавшиеся в озеро пенящиеся водопады.

Добравшись до места, от которого в свое время Стенли начал свое исследование озера вместе с Ливингстоном, суда покинули западный берег, пересекли озеро и прибыли в гавань Уджиджи. Поездка по озеру продолжалась 51 день. Отныне все озеро Танганьика было исследовано и нанесено в общих чертах на карту.

Путешественник снова переправился через Танганьику и двинулся на запад в страны, где еще никогда не ступала нога европейца.

Путь шел через еще более густые, дикие леса, наполненные хищными зверями, птицами и ядовитыми змеями. Стенли занялся исследованием рек и вскоре вышел на величайшую реку Центральной Африки — Луалабу. По берегам ее росли густые леса. Африканцы уверяли, что всякий кто дерзнет проникнуть в глубь этих лесов, обратно уже не вернется. Эти слухи усиленно распространялись работорговцами, стремившимися помешать

европейцам попасть в районы Африки, откуда они вывозили рабов.

Однако исследователь решил идти вдоль русла реки Луалабы и проследить ее вплоть до самого впадения в океан.

Через мрачные леса, куда не проникал луч солнца, пробирались с топорами в руках. Воздух был насыщен влагой и ядовитыми испарениями; с деревьев падали капли росы, одежда путников никогда не просыхала. Воздух был неподвижен. Тяжело дышалось. Под ногами выступала вода, то и дело приходилось переходить ручьи.

В этой банной атмосфере носильщики едва тащились, изнемогая под тяжестью груза. В лесу царил настолько густой мрак, что Стенли не мог прочитать заметок, которые он делал в записной книжке. Путешественников окружала буйная растительность тропического леса. Безмолвно и величаво поднимались кругом гиганты тропиков. В воздухе кружились мириады насекомых, где-то на большой высоте в кронах деревьев порхали почти невидимые птицы, слышался их неумолчный писк, щебетанье, свист, воркованье.

Среди птиц преобладали пестрые попугаи. На земле и по деревьям ползали змеи.

Описание тропического леса принадлежит к лучшим страницам творчества Генри Стенли:

«Вообразите себе пространство величиной во всю Францию вместе с Пиренейским полуостровом, густо заросшее деревьями вышиной от 6 до 55 м и толщиной до 3 м, лиственные шатры которых так сплелись и перепутались, что не видно ни неба, ни света. С одного дерева на другое перекидываются лианы, образующие толстые канаты: они вьются наверх, спускаются фестонами, зубцами, бахромой, обвиваются вокруг древесных стволов плотными, сплошными спиралями до самых вершин и оттуда ниспадают гирляндами великолепных цветов и причудливых листьев, которые, перепутываясь с древесной листвой, окончательно заслоняют солнце. С высочайших ветвей эти цветущие канаты сотнями спускаются почти до земли, и концы их распускаются в целые кисти тончайших нитей — это воздушные корни эпифитов. Теперь представьте себе, что поперек всех этих висячих лиан перепуталось в величайшем изобилии и беспорядке множество других, которые тоже перекидываются с дерева на дерево и перекрещиваются с первыми во всевозможных направлениях. На каждом разветвлении и на каждой горизонтальной ветви посажены гигантские лишайники величиной с крупный кочан капусты и другие растения, с листьями, похожими то на копья, то на слоновые уши,

всевозможные орхидеи и поверх всего раскиданные легкой кружевной вуалью прелестнейшие вайи папоротников. Кроме того, древесные ветви, побеги и самые лианы покрыты густым слоем мха, вроде зеленого меха. Там где лес сплошной, непроницаемый, почва одета низким кустарником; там где молния (что случается нередко) сразила вершину гигантского дерева и солнечный свет ворвался в брешь, или же она расколола ствол сверху донизу, или обожгла его и дерево высохло, или, наконец, бурей выкрутило и свалило несколько деревьев с корнями,— там тотчас начинается между новыми древесными побегами отчаянная борьба из-за стремления к свету, к солнцу; они толпятся, лезут друг на друга, теснятся, стремятся вверх и в конце концов образуют непроницаемую чащу.

Для полноты картины следует представить себе, что почва покрыта густым наслоением наполовину перегоревших гниющих веток, листьев, прутьев; в нескольких метрах друг от друга валяются остатки распростертых гигантов, кучи сгнивших волокон древесины, смешанных с остатками муравейников и иных обиталищ насекомых. Все это окутано массой цепких и ползучих растений, зелеными побегами, длинными стеблями лиан. Примерно через каждые 1,5—2 км встречаете вы мутный ручей или наполненную стоячей водой яму, либо неглубокий пруд, подернутый зеленой тиной, из которой выставляются широкие листья лотоса и нимфей.

Первобытный лес, т. е. те части его, которых еще не коснулась рука человека и которые в течение веков росли и вымирали сами по себе, легко отличить от участков, где когда-либо жили люди. Там, где были человеческие поселения, деревья выше, прямее, правильнее и толщина их бывает поистине изумительна, среди них бывают поляны, почва под ними тверже, плотнее.

Но как только люди покидают поляну, перестают расчищать ее, так на этом месте появляются побеги деревьев, кустов и других растений, и тут опять в продолжение многих лет происходит между ними постоянная борьба из-за воздуха и света. Подлесок, пользующийся здесь лучшим

освещением, становится чрезвычайно роскошным, и пробить себе путь через него оказывается необычайно трудно.

Появляется множество различных пальм. Крепкоствольные молодые деревья пробиваются вверх из этой трущобы и служат опорой бесчисленным лианам...

Сильное впечатление производил лес, когда, бывало, стоишь у береговой окраины и видишь в реке отражение приближающейся бури, а на противоположном берегу, как армия

гигантов, стоят неподвижные ряды деревьев, сурово ожидающих в сумраке сгустившейся мглы первого приступа урагана. Ветер еще только собирается с силами, но тучи надвигаются, молния белым пламенем прорезывает их сверху вниз, раздается оглушительный удар грома — и буря понеслась. Деревья, так спокойно стоявшие до этой минуты, как в писаной декорации, разом склоняют свои вершины и начинают бешено кидаться из стороны в сторону: в ужасе они как будто хотят сорваться с места, но крепкие корни держат их мощные стволы. Ветви крутятся, бьются, вершины то нагибаются вперед, то с размаху откидываются назад; тучи темными массами несутся над ними, слышен треск, свист, завывание ветра и скрип целого моря стволов. Самые высокие из них мощно машут ветвями, как бы нанося могучие удары. Листва шумно лепечет и рукоплещет борцам.

Меньшая братия на опушке тоже вступает врукопашную. Молнии бороздят клубящиеся тучи, там и сям изрыгая свои пламенные стрелы, громы раскатываются с оглушительным треском, далеко отдаваясь в глубине лесов. Наконец, тучи, сгустившиеся до черноты, в последний раз обдают окрестность белым светом, дождь разражается с тропической яростью — все превращается в хаос, вы ничего больше не видите и стоите в безмолвном ужасе, ошеломленные силой урагана. Но через несколько минут ливень словно тушит всю эту огненную бурю, и когда он кончился, лес уже стоит снова тихо и величаво, благородный гнев его миновал без следа...

Во весь день на походе нас донимали муравьи и бесчисленные полчища других насекомых, по ночам же у нас были свои тревоги и беспокойства. Среди ночи раздавались звуки, похожие на взрывы или выстрелы, отчего мы все просыпались. Это значило, что в лесу валятся деревья.

Каждую ночь какое-нибудь дерево было поражено молнией, и всякий раз я боялся, как бы оно своим падением не раздавило половину лагеря. Во время бури ломались ветви, и это производило шум, подобный бурному морскому прибою и перекату волн, бьющихся о каменистый берег. Когда шел дождь, в лагере невозможно было расслышать голосов: только и слышен был мощный плеск низвергающейся воды. Ночной ветер, крутивший ветви и вершины и заставлявший скрипеть раскачивающиеся стволы, крутил также и перепутывал длинные петли лиан и шумел всполошившимися листьями. Кроме всех этих звуков, неумолчно трещали сверчки. Еще звонче их, но так же однообразно кричали цикады и квакали бесконечным хором лягушки. Жалобный вой лемура с его резким, неприятным вскрикиванием производил очень тяжелое, тоскливое

впечатление в темноте непроглядной ночи. Тут же какой-нибудь шимпанзе забавлялся стучанием палкой по деревьям, вроде того, как у нас мальчишки трещат по решетке сада.

Около полуночи собирались вокруг нас стада слонов, которые, вероятно, только потому не решались вступать в лагерь, что мы жгли по ночам десятки костров вокруг своей ночевки»...

Вначале все жили надеждой, что лес скоро кончится.

Но дни проходили за днями, а конца леса все не было видно. Через две недели люди окончательно выбились из сил и отказались продолжать путешествие. Но Стенли не мог допустить и мысли, что можно бросить все и вернуться назад, достигнув ценой таких лишений центра материка и находясь перед величайшими географическими открытиями. Отважный исследователь решил идти вперед даже в том случае, если бы все покинули его. Но в самый критический момент занзибарцы остались верны Стенли: обратно вернулась только нанятая на озере Танганьика охрана.

Несмотря на все трудности пути, вечерами участники путешествия собирались вокруг ярко пылавших костров и рассказывали сказки, легенды и предания; почти каждый такой рассказ содержал вполне определенную мораль. Отличившимся рассказчикам Стенли выдавал ценные подарки; немудрено поэтому, что желающих получить их всегда было достаточно, но далеко не каждому удавалось завоевать одобрение внимательно слушающей рассказчика аудитории. Это устное народное творчество свидетельствовало о талантливости народов, населяющих Центральную Африку. Вот один из этих бесхитростных рассказов.

В далекие времена лес был заселен всякими диковинными зверями; водились крупные обезьяны — шимпанзе и гориллы. Неподалеку от селения, в самой чаще дремучего леса, там где ветви деревьев образуют непроницаемый шатер, а подлесок кругом обступает так плотно, что и черепаха не пролезет, жил-был старый горилла, набольший между своими. Многие, проходя мимо, видели его гнездо, но хозяина никогда не случалось видеть им.

Один раз рыбак, разыскивая крепкие ротанговые волокна для сетей, забрался далеко в лесную глушь. Вдруг он увидел громаднейшего гориллу. Рыбак так испугался, что у него выступил холодный пот, а колени задрожали. Опомнившись, он собрался бежать, но горилла говорит ему:

— Ну-ка, подойди сюда, дай на себя посмотреть.— Рыбак испугался пуще прежнего, однако повиновался.

А горилла опять говорит:

— Коли ты мне родня, я тебя не обижу: а коли не родня, я тебя не выпущу. Сказывай, сколько у тебя пальцев?

— Четыре,— ответил рыбак, быстро подогнув большой палец и поднимая руку ладонью к себе.

— Ну хорошо. Значит, ты нам сродни приходишься, хоть шерсть на тебе и редкая. Садись, гостем будешь. Вот тебе еда, поешь со мной!

Рыбак сел, оторвал от кисти несколько бананов и стал уписывать за обе щеки.

— Ну, теперь помни же,— сказал ему горилла,— что мы с тобой вместе ели. Если встретишься с кем-нибудь из моих собратий, не обижай их. Наше племя с твоим не ссорилось, пусть и твое не ссорится ни с кем из нас. Запомни же мое слово «Ту-уэли»! Кто это слово знает, тот, значит, нам друг.

Рыбак пошел своей дорогой и благополучно вернулся домой.

Спустя немного времени его племя собралось устроить в лесу большую охоту, чтобы отогнать зверей подальше от поселка.

Случилось так, что в это же время тот самый горилла, собрав вокруг себя родственников, о чем-то совещался с ними. Они и не подозревали, что на них двигается облава, и догадались об этом, когда вдруг услышали громкие крики загонщиков, звуки рогов, звон железа и шорох в кустах.

Наш рыбак, тоже хорошо вооруженный, был в числе охотников. Вдруг он увидел громадного гориллу — своего приятеля. Рыбак закричал: «ту-уэли! ту-уэли!» Тогда горилла подвел к нему своих родственников, говоря:

— Вот это наш друг, его не трогайте!— Гориллы прошли мимо рыбака целой вереницей и скрылись в лесу.

Прибежавшие охотники, видя, что рыбак все еще стоит с копьем в руке, а копье не носит следов крови, рассердились не на шутку и объявили, что на его долю не достанется ни кусочка мяса, так как он в сговоре со зверьем. И при дележе добычи действительно ничего ему не дали.

Через несколько дней идет рыбак тем же лесом и опять встречает гориллу.

— Стой, я, кажется, тебя узнал. Не ты ли нам родня и приятель?

— Ту-уэли, ту-уэли!—воскликнул рыбак.

— Так и есть. Пойдем же со мной.

Горилла повел рыбака к своему гнезду на дереве и угостил его спелыми бананами, разными ягодами, орехами, сочными корнями и показал ему, какие ягоды и корни съедобны, а какие вредны и горьки. Тут человек познал такое множество разнообразных съестных при-

пасов, что убедился в невозможности для знающего человека умереть в лесу с голоду, хотя бы он и заблудился.

Возвратясь в деревню, рыбак созвал старых людей и набольших и рассказал им историю встреч с гориллами.

Когда все узнали, сколько в лесу растет полезных растений, решили, что гориллы оказали всему племени истинно дружескую услугу. Поэтому тут же было решено считать горилл дружественным племенем, против которых всякое насилие незаконно. С тех пор люди не обижают горилл, а гориллы не трогают их плантаций и не нападают на них.

...Путешественники плыли вниз по реке Луалабе; ширина ее уже превышала тысячу метров. Население, хорошо знакомое с действиями работорговцев, встречало пришельцев враждебно: с берегов раздавались угрожающие воинственные крики, и в лодку летели ядовитые стрелы. Однажды экспедиция подверглась нападению целой флотилии, состоящей из 14 больших лодок. Залп из 30 ружей заставил африканцев отступить. Так в течение нескольких месяцев экспедиция продвигалась вперед под постоянной угрозой нападения значительно превосходящих сил противника. Защищая свою родину, африканские народы не давали покоя непрошеным гостям не только днем, но и ночью. Отряд Стенли редел: болезни уносили, пожалуй, не меньше жизней, чем неприятельские стрелы.

Пока река текла в северном направлении, Стенли мучил загадочный вопрос: Нил это или Конго? Но вот она резко повернула на запад, и Стенли догадался, что загадочная река, по которой он плыл, была Конго. В то время европейцам было известно лишь устье этой великой африканской реки. При повороте широкая и спокойная Конго сильно суживалась и бешено мчалась между крутыми скалами, сложенными вулканическими породами; здесь образовались пороги и водопады, впоследствии названные «порогами Стенли». Чтобы миновать такое место, приходилось вытаскивать лодки на берег и прокладывать обходную дорогу, по которой волоком тащили лодки, отбиваясь от притаившихся в зарослях африканцев. При попытке спуститься на лодке через пороги погиб Франц Покок — последний из оставшихся в живых белых спутников Стенли.

Стенли решил покинуть реку и кратчайшей дорогой пробираться к португальскому селению Бома, расположенному на побережье океана несколько выше устья Конго. По дороге новое бедствие обрушилось на измученных путников: они шли по стране, где нельзя было достать продовольствия. Начался голод. Чтобы спасти людей от голодной смерти, Стенли выслал вперед наиболее сильных занзибарцев, вручив им воззвание к первым

встреченным европейцам. Сам путешественник остался ждать помощи, решив разделить со своими товарищами их тяжелую участь. Мучительно тянулись долгие дни и часы ожидания; люди слабели и умирали. И вот, когда последние из оставшихся в живых потеряли всякую надежду на спасение, явилась долгожданная помощь. Посланные принесли продукты, полученные от европейских купцов.

11 августа 1876 года, через два года и четыре месяца после выхода из Занзибара, путешественники достигли океана. Как было условлено, Стенли доставил на военном судне своих спутников в Занзибар, а сам отправился в Европу. Из 369 человек, выступивших с ним в поход, пересекли Африку лишь 109.

Этот поход был самым большим из всех предпринимавшихся до того времени путешествий по Африке. До Стенли известно пять пересечений Африки. Но маршруты их пролегали южнее, там, где африканский континент значительно уже, Стенли же пересек Африку под самым экватором. Он открыл одну из величайших рек мира — Конго, установив, что загадочная Луалаба, которую Ливингстон принимал за начало Нила, является одним из главных притоков Конго. До Стенли предполагали, что вместо большого озера Виктория существует пять отдельных озер. Стенли открыл, что из озера Виктория вытекает река Кагера, или Нил-Александра, которая служит истинным истоком Нила.

Экспедиция Стенли открыла новую эпоху в колониальных захватах империалистических государств. Она явилась тем толчком, который оживил колониальную лихорадку. Теперь империалистические хищники бросились еще поспешнее захватывать неподеленные внутренние части материка Африки.

* * *

Как только Стенли вернулся в Европу, бельгийский король Леопольд II, возглавлявший Международную ассоциацию для исследования и цивилизации Центральной Африки, предложил ему отправиться в новую экспедицию в Африку. Бельгийский король был крупным предпринимателем: он решил захватить бассейн Конго, организовать там бельгийскую колонию и назвать ее Свободное государство Конго. Исполнителем своего замысла он избрал Стенли, который, приняв это предложение, уже через полгода снова выехал в Африку. Надо было спешить, так как Франция активизировала свою колонизаторскую деятельность в этом же районе.

14 августа 1879 года экспедиция прибыла в устье Конго и вскоре на небольших пароходах и моторных лодках отправилась вверх по реке. Европейцев среди участников экспедиции было 12

человек. По замыслу Стенли, экспедиция должна была создавать по течению реки опорные пункты-станции с бельгийской администрацией, которой должны подчиняться окрестные племена. Стенли принялся за работу с присущей ему кипучей энергией.

Первое поселение возникло недалеко от устья реки, в Виви, на голом песчаном берегу, в окружении высокой травы и кустарника. Стенли вел длительные переговоры с местными вождями, в которых немалую роль сыграли подарки и водка. Подписывая составленный Стенли договор, вожди африканских народов плохо себе представляли, что он означает. Получив таким образом право на землю, Стенли принялся за постройку домов.

Он доставил с побережья океана рабочих и вскоре в девственном лесу впервые раздался стук топора и лязг пилы. Стенли сам учил людей владеть инструментом и строить. Он поспевал везде: и на строительстве жилых домов, складов и сараев для скота, и на постройке дороги, которую прокладывали к новому поселению от берега океана, и на сооружении мостов. Когда строительство станции было в самом разгаре, Стенли отправился дальше вверх по реке. Но на пути к следующей станции встретились пороги, названные им «порогами Ливингстона». В обход порогов, через горы, непроходимые леса, овраги, кустарники и реки Стенли решил строить дорогу.

При помощи подкупа и спаивания вождей он заключил с правителями земель договор, по которому те обязались проложить дорогу. На работу вышли тысячи людей и в короткий срок построили широкую дорогу. Стенли перетащил по ней не только необходимые для основания новой станции грузы, но даже целый паровой катер. Второе поселение было основано в Исанджиле.

Так, прокладывая дороги, перетаскивая пароходы и грузы по суше, взрывая по пути скалы, засыпая овраги, строя мосты, Стенли постепенно продвигался вверх по реке.

Местное население полагало, что нет таких препятствий, которые бы не преодолел Стенли; он слыл за человека, наделенного какой-то сверхъестественной, волшебной силой.

В дальнейшем путешественника ждала большая неприятность: с высоты прибрежного холма он заметил развевающийся французский флаг. Как Стенли ни торопился, однако французам удалось его опередить и захватить значительный кусок земли. Стенли ничего не оставалось делать, как основать на левом берегу реки, напротив французского города Браззавиля, город Леопольдвиль, который позднее стал

административным центром Бельгийского Конго.

Продолжая присоединять новые земли, Стенли поднялся по одному из притоков Конго и открыл большое озеро, названное им озером Леопольда.

Экспедицию преследовали обычные для тропических стран болезни. Сам Стенли едва не умер от лихорадки.

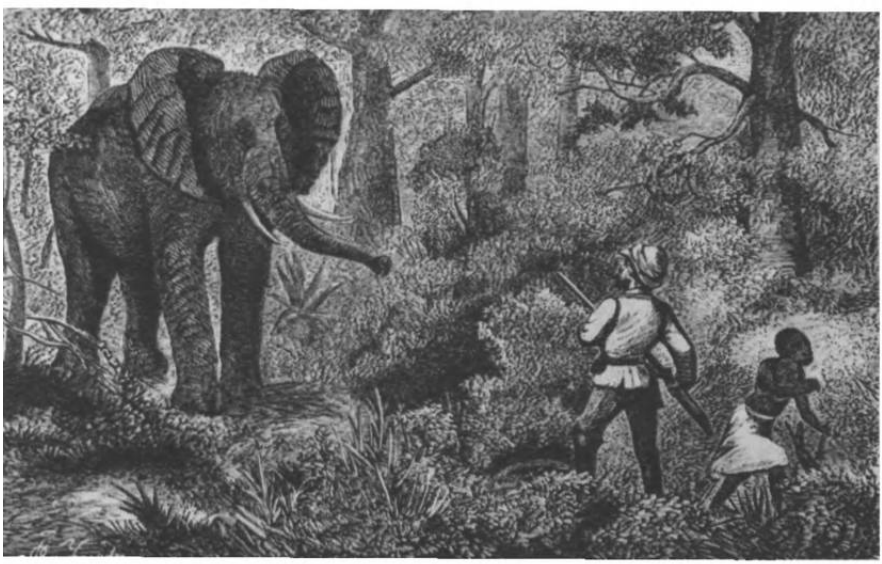
Порой возникали серьезные конфликты с местными вождями, грозившие перерасти в вооруженные столкновения.

Но хитростью и подарками Стенли удалось поладить с ними мирным путем.

Пять лет жизни и трудов в условиях неблагоприятного климата сломили железное здоровье путешественника; он вынужден был вернуться в Европу. Но спустя всего лишь несколько недель он снова спешит в Африку: Стенли узнал, что из-за нерадивого управления страной всему предприятию грозит гибель.

В конце 1882 года Стенли опять прибыл на Конго, восстановил порядок и отправился вверх по реке с целью основания новых станций. Слух о силе и могуществе отважного завоевателя помогал ему быстрее договариваться с вождями.

Исследование направления движения воды в озере Танганьика



Неожиданность

„Смотри, если ты упустишь в воду этот ящик, я тебя застрелю"

Встреча Стенли с Ливингстоном

Стенли добрался до порогов, названных его именем.

Вместо цветущей и густо населенной страны, которую застал он при первом посещении, перед путешественником лежала

совершенно разоренная, выжженная земля, с заброшенными и заросшими полями; лишь кое-где бродили одинокие люди, с ужасом взиравшие на окружающую картину разорения. Оказалось, что сюда проникли работорговцы, которые, действуя самыми коварными, разбойничьими методами, нападали ночью на деревни, поджигали их и оставшихся в живых людей уводили в рабство.

Вскоре Стенли встретился с большим караваном невольников — более двух тысяч человек. Африканцы шли в оковах, привязанные за ошейники к одной цепи. Кормили их с таким расчетом, чтобы до Занзибара дошли лишь сильнейшие. У «порогов Стенли» путешественник создал станцию, которая должна была организовать местное население для отпора работорговцам.

В 1884 году Стенли вернулся в Европу и доложил королю Леопольду, что огромное по территории «Свободное государство Конго», охватывающее почти весь бассейн Конго, создано. Теперь в новую колонию потянулись купцы, миссионеры, администраторы, предприниматели, военные...

В последний раз Стенли отправился в Африку в 1887 году на помощь Эмину-паше-—губернатору самой южной Экваториальной провинции Судана, расположенной в верхнем течении Нила. Настоящее имя его Эдуард Шнитцлер; родился он в Германии, где получил медицинское образование, долгое время служил в Турции, а затем у англичан в Египте. Здесь в 1878 году он был назначен правителем Экваториальной провинции под именем Эмин-бея; во время махдистского восстания ему было присвоено звание «паши».

В 1881 году в Судане началось национально-освободительное, антиимпериалистическое движение под руководством Махди—религиозного вождя мусульман. Махдиеты разгромили англо-египетские войска и, заняв столицу Судана Хартум, отрезали Экваториальную провинцию от Египта. Не имея еще сил занять и эту провинцию, махдисты пока оставили ее в покое. У Эмина- паши было небольшое войско и египетские чиновники с женщинами и детьми. Он не решался рисковать жизнью вверенных ему людей и отступать через территории поднявшихся на борьбу за свою свободу народов. С другой стороны, его не устраивало терять пост губернатора богатой провинции. Эмин-паша усиленно ищет любого хозяина, который пожелал бы взять его под свою защиту. Когда в Европу дошли слухи о тяжелом положении Эмина-паши, там началась кампания за спасение Эмина; прикрываясь столь «гуманным» лозунгом, империалисты преследовали другую цель — завладеть богатой

Экваториальной провинцией и не допустить ее присоединения к махдистскому государству.

В Англии возник комитет по оказанию помощи Эмину-паше, который по подписке собрал большую сумму денег и снарядил огромную экспедицию. Возглавить ее комитет пригласил Стенли.

Организаторов экспедиции, англичан, не устраивал предложенный Стенли под влиянием короля Леопольда маршрут через бассейн Конго. Для закрепления своих позиций в Уганде и на ее границах англичанам нужен был путь через Восточную Африку. Как только окончательно остановились на восточном маршруте и даже уже начали подготовку к путешествию, с решительным протестом выступила Германия, которая готовила свою экспедицию в помощь Эмину-паше с целью захвата Уганды и Экваториальной провинции Судана. Поддержанная

Францией, Германия вынудила англичан отказаться от восточного маршрута, и Стенли было разрешено идти западным— через бассейн реки Конго.

И вот Стенли снова увидел берега могучей Конго.

Началось его второе трансафриканское путешествие.

18 марта 1887 года на нескольких пароходах путешественник поплыл вверх по Конго. Общее число участников экспедиции доходило до 800. Чтобы руководить такой большой и разнородной массой людей, сохранять среди них порядок и обеспечивать пропитанием, требовались большие организаторские способности.

До порогов доехали на пароходах. Обойдя пороги сухим путем, снова поплыли в глубь Африки. По берегам реки тянулись бесконечные густые леса, в русле встречались тысячи островов, также поросших деревьями и кустарником. Пароходы, выбирая путь, приближались то к правому, то к левому берегу. Стенли рассматривал окружающее его растительное царство, наблюдал многообразные сочетания форм древесной и кустарниковой растительности, ярких цветов и порхающих среди них не менее ярких бабочек, отражающихся в зеркальной поверхности неподвижной речной глади. Время от времени из воды появлялась морда бегемота; потревоженные пароходом крокодилы с шумом бросались с берега в воду.

Путешественники проникли по реке в глубь Африки на 2100 км. Оставив большую часть грузов экспедиции в укрепленном лагере на берегу Конго, Стенли немедленно двинулся дальше по берегу Арувими, притока Конго. Перед путешественником лежала совершенно неисследованная, мрачная страна, покрытая тропическими лесами.

Хорошо если удавалось найти еле заметную тропинку,

проложенную местными жителями. А если нет дороги?

Тогда приходилось действовать топором.

Впереди вытянувшихся гуськом отрядов выступали 50 человек, вооруженных топорами; они прокладывали каравану дорогу. Приходилось не только обрубать мешающие ветки и лианы, но и валить деревья, устраивая из них переправы через ручьи. Эти сильные люди быстро выбирали места, где заросли менее густы, и, врезаясь в них, прорубали туннели. Ленивых или нерадивых работников моментально меняли, так как на них обрушивали свой гнев идущие вслед за ними тяжело нагруженные носильщики. Температура воздуха была 30°; дышалось тяжело.

Вперед продвигались медленно. Приходилось то и дело поворачивать то вправо, то влево; останавливались только за тем, чтобы наточить топоры о кремнистые камешки ручьев да глотнуть воды. А там снова в путь, Время не ждет. Скорей, скорей!..

По временам слышалась команда:

— Руби живее, ребята! Режь эту лиану!

— Прочь кусты с дороги!

— Что, нет дальше тропинки? Вон там звериный перелаз! Прорубайтесь через него топором и ножами. Вот так! Не помирать же нам в самом деле в этой проклятой чащобе!..

Это был один из самых тяжелых лесных походов Стенли. 160 дней путники не видели даже клочка земли, поросшего зеленой травой. Это была страна, которая по справедливости может быть названа страной ужаса.

За поворотом реки Арувими путешественники заметили поселок, расположенный недалеко от берега реки.

К нему вела прорубленная в лесу прямая и широкая дорога; в конце ее, около поселка, выстроились вооруженные луками воины. Едва караван вступил на эту дорогу, как на него обрушился дождь стрел. Отряд Стенли вынужден был ответить ружейным огнем и после кратковременного боя занял деревню. Наступила тревожная ночь: скрывшиеся в лесу жители то и дело посылали отравленные стрелы, сотрясали воздух грозными криками.

Утром измученные путешественники снова двинулись в путь. Теперь они шли среди хорошо обработанных полей маниока, по тропинке, соединяющей близлежащие деревни. При приближении экспедиции жители, напуганные постоянными набегами работорговцев, покидали деревни.

Селения кончились, и караван снова вынужден был по компасу, ощупью пробираться сквозь неизведанные дебри дремучих лесов, через болота и подернутые зеленой плесенью

вонючие лужи. Иногда в час продвигались менее чем на полкилометра; в более доступных местах удавалось проходить 1,5 км.

Вечерами собирались тучи, поднимался ветер, гремели грозные раскаты грома и почти непрерывно сверкали молнии. Иногда молния попадала в дерево, снося его вершину или расщепляя от вершины до корней. Холодный дождь вначале падал большими, тяжелыми каплями, а затем лил потоками, пронизывая до костей; путники дрожали от холода; температура резко падала. Разжечь костры, обогреться и приготовить пищу удавалось только поздно ночью. А утром приходилось затрачивать немало сил, чтобы заставить людей сняться с лагеря и снова идти, преодолевая холод, сырость, туман, по вязкой почве, порой погружаясь по пояс в тину или воду, через никому неведомые лесные дебри. Днем же опять сияло солнце, и под его лучами толстые и стройные стволы лесных великанов превращались в колонны светло-серого мрамора, а капли дождя — в сверкающие алмазы. В зелени леса звучали голоса попугаев и других птиц; толпы мартышек с криками резвились, предаваясь веселью и играм.

Снова подошли к реке; в этом месте она была широка и свободна от порогов. Стенли собрал большую стальную лодку и, погрузив в нее раненых и больных, отправил ее вверх по Арувими, а сам с отрядом пошел берегом.

Постоянное созерцание невыносимых мук и страданий, которым подвергались раненые и больные, производило на Стенли и его спутников удручающее впечатление.

Из 363 человек 60 были больны или ранены. В страшных муках ежедневно умирало от столбняка, дизентерии или действия яда отравленных стрел по нескольку человек.

Даже Стенли, такой стойкий и мужественный человек, стал сомневаться в конечном успехе экспедиции. Он чувствовал, как постепенно им овладевало отчаяние. И это, пожалуй, было самое страшное. Но сознание ответственности за жизнь вверенных ему людей заставляло Стенли быть выдержанным и сохранять спокойствие.

Вельбот в сопровождении отбитых в боях с местным населением шестнадцати пирог продвигался вперед обычно быстрее, чем шедшая по берегу пешая колонна, которой приходилось переправляться через множество притоков и пробиваться сквозь непролазную чащу кустов. В тех случаях, когда встречались пороги и водопады, путешественники вынуждены были прорубать в лесной чащобе широкую дорогу, чтобы по ней протащить вельбот и пироги.

Уже давно чувствовалась нехватка продуктов; чем дальше продвигалась экспедиция, тем скуднее становились средства к удовлетворению все возрастающей потребности в пище. Деревни встречались редко; большинство их было разорено работорговцами. Охотой также ничего не удавалось добыть. Как-то раз Стенли, увидев купающегося слона, подкрался к нему и с нескольких метров всадил в его тело шесть пуль, лишь понапрасну оцарапав животное. Люди были сильно истощены и едва передвигали ноги. Питались главным образом бананами.

Иногда на долю каждого приходилось всего лишь два банана в день.

Наконец, настал день, когда дальнейшее продвижение по бурной реке стало решительно невозможным. Между тем около 50 человек из состава экспедиции выбыло из строя и не могло самостоятельно передвигаться. Создалось в высшей степени затруднительное положение: способных идти было 211 человек, а вьюков оставалось 227.

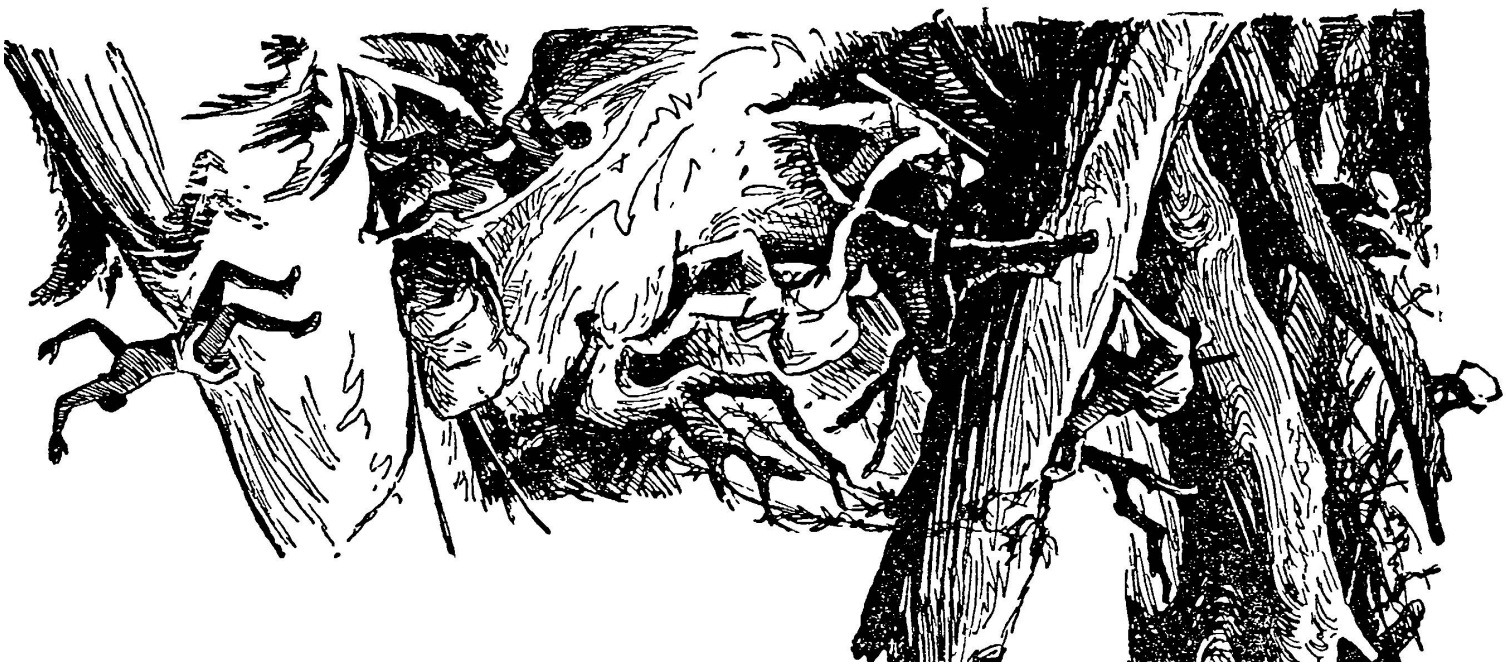
После долгих размышлений Стенли решил разбить лагерь и оставить в нем больных и часть грузов. Остальные должны были быстро пробираться вперед на поиск селения и продуктов.

Шли не зная куда, ползли вперед, взбираясь по лесистым скатам холмов. Никто не решался думать о том, сколько времени придется еще идти в поисках пищи с угнетающим сознанием ответственности за жизнь умирающих больных. Ближайшие дни решали судьбу всех участников экспедиции. Люди с жадностью набрасывались на грибы, лесные бобы и вообще всевозможные плоды; собирали даже гусениц, улиток, белых муравьев — это считалось мясным блюдом; словом, в этой жестокой бескормице не брезговали ничем.

Число жертв с каждым днем росло. Люди умирали от голода, бежали, обрекая себя почти на верную смерть.

Неожиданно караван очутился на тропе, проложенной человеком. Это открытие обрадовало всех и вселило надежду, что вскоре должно, наконец, встретиться селение и наступил конец страданиям изнемогающих путешественников. Тропа становилась все более торной, чаще встречались свежие следы человека. Вдруг послышались звонкие голоса, песни, и путешественники вступили в большое селение. Кругом расстилались тучные поля, засеянные кукурузой, рисом, бататом и бобами. В деревне жили охотники за слоновой костью; они беспощадно грабили и уничтожали местное население. Стенли писал, что ни один кусок слоновой кости не добывался законным и мирным путем. «Каждый килограмм кости стоит жизни мужчине, женщине или ребенку; за каждые пять килограммов сожжено жилище, из-за пары клыков уничтожалась

целая деревня, а за каждые два десятка погибала целая область со всеми жителями, деревнями и плантациями» .



Одной из первых забот Стенли было отправить партию людей с продовольствием в лагерь. Когда посланные добрались до лагеря, то перед ними предстала страшная картина: из 52 человек в живых осталось только 5.

Стенли оставил больных в деревне, а сам снова углубился в лес, где его опять ждала тяжелая борьба за жизнь под постоянной угрозой голодной смерти.

В лесу встречались заваленные буреломом просеки; пробираться по ним было труднее, чем через сплошную чащу леса. Вот как Стенли рисует картину движения каравана по таким местам: «Выйдя из-под лесной тени, ступаешь, например, на древесный ствол и идешь по нему шагов сто, потом под прямым углом сворачиваешь на боковую ветку и по ней делаешь несколько шагов, тут сходишь на землю и через несколько метров очутишься перед лежащим стволом толстейшего дерева до 1 м в диаметре; перелезешь через него и уткнешься в распростертые ветви другого великана, между которыми приходится и ползти, и пролезать, и всячески изворачиваться, пока удастся влезть на одну из ветвей, с нее перебраться на ствол, идти вправо по этому стволу, который все утолщается, а поперек него вдруг другой ствол упавшего дерева, на который опять надо влезать, и, пройдя по нему еще несколько шагов влево, очутишься на 6 м над поверхностью земли. Когда это случится и стоишь между ветками на такой одуряющей высоте, надо не терять присутствия духа и хорошенько обдумать, как и куда спрыгнуть. Раскачавшись немного, ставишь ногу на выбранную ветку, осторожно сползаешь по ней вниз, пока не доползешь метра на полтора от земли; отсюда стараешься прыгнуть на другую торчащую ветку, по ней опять ползешь вверх до высоты 6 м, там снова по стволу гигантского дерева и опять на землю. И так идешь целые часы, а палящее знойное солнце и душная, туманная атмосфера просеки вызывает горячий пот, струями льющийся по всему телу. В продолжение этих ужасающих гимнастических упражнений я три раза чуть не убился. Один из моих людей расшибся насмерть, и многие получили сильнейшие ушибы» . Между такими просеками обычно располагались деревни. Бурелом служил для них естественными оборонительными сооружениями. Нередко случалось, что, пока тяжело нагруженный караван блуждал среди валежника, в путников летели сотни ядовитых стрел.

До путешественников не раз доходили слухи, что уже совсем близко та долгожданная страна, где пасутся несметные стада диких животных. Воображение путников, опережая события, рисовало впереди восхитительные картины обилия животной жизни и, наконец, великого озера, на берегах которого

приветствует их признательный Эмин-паша. Но высылаемые вперед разведчики возвращались обратно ни с чем.

Экспедиция проходила теперь через селения, где имелась пища, и люди с каждым днем крепли и набирались сил; постепенно к ним возвращалась утраченная жизнерадостность.

В лесу стали попадаться деревни карликов-пигмеев.

В такой деревне путешественники иногда останавливались на ночлег. В лесу на лужайке по кругу расставлены по овальной форме хижины пигмеев. Однако встретить жителей деревни очень трудно: завидев караван, они обычно покидали свои дома и прятались в лесу. Но вот однажды один из носильщиков, отправившись с товарищами в банановую рощу за плодами, захватил в плен несколько карликов: четырех женщин и мальчика. Оказалось, что они принадлежали к разным племенам. Одни женщины имели маленькие хитрые глазки, выпяченные губы, большой живот, узкую и плоскую грудь и длинные руки. Другие же были значительно красивее: прекрасного телосложения, имели миловидное лицо с большими глазами. Цвет кожи у карликов был кирпичный, рост не превышал 132 см.

С помощью переводчика Стенли удалось объясниться с пленными пигмеями. Он спросил, почему они так враждебно относятся к чужестранцам.

— А что нужно от нас чужестранцам? — ответил пигмей.— У нас ничего нет! Мы только имеем пальмы, бананы и рыбу..

— Но если чужестранцы хотят купить у вас бананы, пальмовое масло и рыбу, согласитесь ли вы продать их?

— Мы никогда не видели чужестранцев. Каждая деревня живет сама по себе, пока люди другой деревни не вздумают из-за чего-нибудь воевать с нами, тогда они и приходят!

— Значит, вы всегда враждуете с соседями!

— Нет. Но наши охотники отправляются в лес за дичью, и там на них нападают соседи. Тогда и мы к ним идем и воюем до тех пор, пока не устанем или же пока кто-нибудь не победит.

— А хотите подружиться со мной, если я отпущу вас в вашу деревню? — предложил Стенли.

Они посмотрели на него недоверчиво, и, даже когда Стенли дал карликам несколько безделушек и велел проводить за пределы лагеря, они не хотели идти, опасаясь ловушки. Пигмеи никак не могли себе представить, что их не собираются убивать. Позднее отпущенные карлики приходили к Стенли и вместе с ним мирно курили и пекли на костре бананы, тем самым показывая, что они ему вполне доверяют.

Пигмеи живут в самых нетронутых дебрях тропического леса и ведут кочевой образ жизни. Питаются фруктами и дичью,

добывать которую они великие мастера.

Пигмеи оказывают услуги соседним дружественным племенам. Так, они раньше других обнаруживают приближение врагов, о чем предупреждают своих союзников.

Тем самым они как бы несут сторожевую службу, охраняя покой селений и безопасность мирного труда. Во время военных действий побеждает обычно то племя, которое воюет в союзе с пигмеями. Благодаря своему малому росту, необычайной ловкости, прекрасному знанию всех особенностей и жизни леса они очень опасные противники. При помощи своих маленьких копий и стрел, густо вымазанных ядом, они убивают даже буйволов, антилоп и слонов. Ловят они зверей также и в ямы, искусно прикрывая их гибкими палочками и зеленью. Над такой ямой пигмеи строят нечто подобное навесу, крыша которого еле держится на одной лиане. Под навесом рассыпается приманка; при малейшем движении такой шалаш падает и накрывает зверя. Занимаются они также добычей меда диких пчел, изготовляют ядовитые вещества, выменивая на них у высокорослых племен бананы, табак, копья, ножи и стрелы. Как только дичи становится меньше, пигмеи перекочевывают в другое место. Из домашних животных они разводят коз хорошей молочной породы.

Наконец, долгожданный выход из царства мрака настал! Всех охватило живейшее чувство радости при переходе из вечного сумрака лесов к яркому солнцу и синему небу. Путешественники добрались до опушки леса.

С высокой горы они увидели в восточном направлении совсем иной ландшафт—страну травянистых лугов, равнин и гор с разбросанными там и тут рощами и группами деревьев. Это была саванна.

Бросив последний взгляд на мрачный, по-прежнему безучастный, неумолимый и беспощадный великий лес, дремавший наподобие гигантского зверя в темно-зеленой шкуре, путники бодро зашагали вперед, навстречу более светлому будущему. Они вступали в обетованную страну, которая грезилась им в дни голодных скитаний. Теперь в походных котлах всегда вдоволь варилось сочного мяса, кипела похлебка из кукурузы, каша из бананов, а на десерт подавались груды спелых бананов.

Открытая, волнистая, зеленеющая равнина, залитая ярким светом радостного дня, овеянная душистым теплым и здоровым воздухом,—все как нельзя лучше гармонировало с настроением путников; они с наслаждением вдыхали пряный запах степных трав. Когда люди почувствовали под ногами мягкий дерн и молодую траву, все словно помолодели. Здесь можно было видеть

грациозных антилоп, буйволов, которые, пристально вглядываясь в потревоживших их пришельцев, медленно вставали и отходили в сторонку. Значительно чаще стали попадаться селения, окруженные банановыми рощами и возделанными полями.

Населяющие саванны племена, отстаивая свою свободу и независимость, встречали непрошеных гостей враждебно. Не раз путешественникам приходилось применять огнестрельное оружие против значительно превосходящих сил противника. Однажды экспедицию окружило около 800 человек воинов. Они потрясали оружием, трубили в боевые трубы, били в барабаны и громко кричали. С большим трудом Стенли удалось наладить с африканцами мирные переговоры, но, несмотря на богатые дары, закончить их дружелюбным соглашением так и не удалось. Только силой оружия он подавил сопротивление свободолюбивых африканцев и заставил их смириться и прислать подарки с просьбой о мире. В дальнейшем еще не один раз караван попадал в подобное положение.

Путешественники прибыли к берегам озера Альберта.

Оно лежало где-то далеко внизу, в глубокой котловине; склоны котловины изборождены глубокими ущельями и усеяны каменными глыбами; лишь кое-где растет жалкий кустарник и трава. Озеро окаймляла сравнительно узкая полоса зеленой равнины, всего лишь в несколько километров ширины, с разбросанными по ней раскидистыми деревьями.

Стенли направился по берегу озера к северу. Но, не найдя переправочных средств, он вынужден был вернуться к лесу, чтобы забрать оставленный там вельбот.

В поход выступили 2 апреля 1888 года. В лесу караван отбивался от ожесточенных атак пигмеев; приходилось внимательно смотреть под ноги, так как карлики расставили по тропинкам тщательно замаскированные колья, обильно пропитанные ядом. Но умудренные большим опытом, участники экспедиции быстро разгадывали эти лесные хитрости, и они не достигали цели.

Когда Стенли снова вернулся к озеру Альберта, в селении Кавалли его ждал пакет, доставленный сюда от Эмина-паши.

Вскоре и сам Эмин-паша прибыл по озеру на пароходе. Небольшого роста, тщедушного телосложения, в белоснежном костюме, он ничем не выделялся среди своих подчиненных. При встрече Стенли сообщил Эмину- паше, что он доставил для него ружья и патроны. Эмин- паша сердечно благодарил за помощь, оказанную ему столь дорогой ценой. Однако на предложение Стенли оставить Экваториальную провинцию и вернуться в Египет Эмин-паша вначале ответил решительным отказом. Он и

не думал покидать свою страну, в которой в то время было еще сравнительно спокойно. Пока велись эти переговоры, в Экваториальной провинции произошли события, заставившие Эмина-пашу изменить свое решение. Махдисты начали наступление и заняли большую часть территории провинции. В войсках же Эмина произошло восстание, и солдаты захватили его в плен.

Только благодаря разногласиям среди восставших Эмину-паше удалось спасти свою жизнь и даже получить свободу. При создавшемся положении оставался один выход: принять предложение Стенли и спешно эвакуироваться. Так он и поступил.

Обратно решено было идти на Занзибар, но в обход враждебных государств Уганда и Унионро. Огромный караван, насчитывающий около 1500 человек, 10 апреля 1889 года выступил по направлению к берегу океана.

В его состав вошло 600 человек Эмина-паши; среди них было много женщин и детей.

Эта часть маршрута экспедиции была не менее тяжела, чем путь через леса по реке Арувими. Вооруженные столкновения со свободолюбивыми африканцами, воровство и дезертирство в караване и, наконец, страшные болезни ежедневно косили людей. Сам Стенли страдал от жестокой лихорадки, почти умирал от желудочного заболевания. Путь до занзибарского берега тянулся восемь месяцев; достаточно сказать, что из 1500 человек до Занзибара дошло только 700.

По пути к океану Стенли открыл огромный горный массив Рувензори. Как-то раз утром группа остроконечных пирамидальных вершин хребта освободилась от постоянно окутывающих их облаков. Перед путешественниками предстала незабываемая картина вечных снегов, ослепительно сияющих на солнце и как бы плавающих в синеве небес. Крутые вершины собственно Рувензори, увенчанные шапками вечных снегов, резко возвышались над грядой низкого передового хребта. К востоку тянулась прерывистая цепь отдельных конусов, которые постепенно терялись в бесконечной дали. Время от времени белые головы гор скрывались из виду, окутанные набежавшими облаками.

«Я был не в состоянии,— писал Стенли,— оторвать глаз от зрелища, раскрывающегося передо мной, когда Рувензори освободился от окутывающих его облаков и группы остроконечных вершин засияли ослепительной белизной снегов на фоне синего неба, чистого и прозрачного, напоминавшего оттенки океана.

Любуясь этой чудной картиной, я невольно переносился мыслью за четыре тысячи миль отсюда, вниз по течению великой египетской реки Нила, к подножию пирамид, где, помимо местных жителей — арабов, коптов, феллахов, негров, копошатся еще толпы турок, греков, итальянцев, французов, англичан, немцев и американцев, которые хлопочут, суетятся или просто наслаждаются жизнью в этой области. И мне захотелось сказать всем впервые с полной уверенностью: «Вам нравится вкус нильской воды, вы все ее хвалите? Так знайте же, что большая часть воды Нила вытекает из глубоких и обширных залежей хребта Рувензори — царя облаков».

Экспедиция направилась к подошве двойной вершины.

По мере приближения к хребту снеговые горы скрывались от путников за менее высокой передовой цепью.

Стенли очень хотелось подняться на открытую им гору.

Но сам он, к великому сожалению, после перенесенной болезни был еще настолько слаб, что не мог решиться на восхождение. Тогда он обратился к своим спутникам, приглашая их первыми совершить восхождение на Рувензори. Охотников испытать силы нашлось только двое:

Эмин-паша и один из помощников Стенли — лейтенант Стэрс. Эмин-паша вскоре вернулся, а Стэрсу удалось подняться на значительную высоту, достигнув 3245 м выше уровня моря. Еще выше поднимался снеговой пик, который, как выяснилось, не был самым высоким в группе вулканического массива Рувензори. Водами ледников Рувензори питается множество горных рек, Стенли насчитал 62 реки. Впадая в озеро Альберта, они питают благодатный Нил — главный источник жизни египетского народа.

Стенли тщательно нанес на карту северо-западный, северный и восточный берега озера Эдуарда. Вид его отличался от всего того, что Стенли приходилось наблюдать когда-либо раньше. Озеро было постоянно окутано слегка клубящимися парами тумана; через это густое покрывало едва виднелась водная поверхность цвета матового серебра, обрамленная тусклыми желтовато-бурыми берегами. Ни расстояния, ни форм, ни высот, ни глубины озера невозможно было определить. Стенли надеялся, что, быть может, выдастся хоть один ясный, прозрачный, солнечный день; тогда картина резко изменится и перед путешественниками предстанет не только ломаная линия гористого плато с возвышающимися над ними отдельными вершинами, но даже можно будет увидеть величественные громады Рувензори. Но озеро так и осталось лежать в туманной дымке...

Дорога шла то плодородными долинами, то плоскими, открытыми равнинами, то приходилось подниматься на нагорья. Местами путники шли рощами бананов, ветви которых ломились под тяжестью превосходных плодов.

Ни в одной части Африки Стенли не встречал такого обилия пищи.

Во влажных долинах растительность поражала своей роскошью. Это была как бы естественная оранжерея.

Древовидные папоротники были покрыты яркими орхидеями, стволы деревьев одеты нежной зеленью влажных мхов. Такие рощи и леса можно было увидеть только в долинах. Зато открытые, слегка волнистые равнины и холмы поросли бурым колючим кустарником. Деревья встречались реже, да и те были какие-то уродливые, искривленные, с листьями некрасивого оливкового цвета.

По пути к южной оконечности озера Виктория приходилось переваливать через хребты, порой поднимаясь на высоту до 2000 м; обычно же шли растянувшись длинной вереницей пустынными в это время года полями, долинами, по горным склонам. С каждым днем прибавлялось число больных; многие были не в силах идти дальше и оставались в селениях, обрекая себя почти на верную смерть. Чтобы нести на руках больных, путешественники вынуждены были постоянно расставаться с различными редкостями, вынесенными из большого леса; бросали по дороге почти все, даже боевые припасы.

4 декабря 1889 года Стенли, наконец, вступил в Багамойо. Путешественник выполнил возложенную на него миссию: он благополучно доставил Эмина-пашу к берегу океана. Так завершилось еще одно трансафриканское путешествие Стенли. Оно продолжалось более двух с половиной лет.

Впоследствии, вспоминая африканские путешествия, Стенли писал: «Куда бы ни послала меня судьба, в моем воображении всегда будет мелькать какая-нибудь из сцен в тени великого леса, через который мы странствовали. Я всегда буду вспоминать то, что пережил, перестрадал и перечувствовал в этих лесах, буду вспоминать свои тревожные мысли в бессонные ночи, когда мне начинало казаться, что мы никогда не выберемся из этих страшных дебрей и что в каком-нибудь неизведанном углу дремучего леса мы останемся лежать до скончания веков...

Помню, как до утра я лежал не смыкая глаз, думая о судьбе, которая ожидает нас»...

В Англии Стенли ждала невеста. Вскоре состоялась свадьба, которая благодаря популярности Стенли была отпразднована как большое общественное событие.

В последующие годы путешественник много работал над своими книгами, в которых описал природу и жизнь народов Африки, призывая европейские державы к колонизации богатейших районов тропической Африки, Умер Стенли в 1904 году.

* * *

Велики заслуги этого неутомимого путешественника.

Своими успехами Стенли прежде всего обязан огромной силе воли, удивительной энергии, настойчивости и незаурядным организаторским способностям. Он шел к цели, невзирая ни на какие трудности, подчас, казалось, бы непреодолимые.

Экспедиции Стенли составили целую эпоху в истории открытий и исследований Африки. По существу путешественник открыл ранее не известную огромную территорию внутренней Африки, весь бассейн реки Конго — от истоков до устья. Стенли первый проник в тайны великого тропического леса, нарисовав незабываемую картину его жизни. Он исследовал область Великих африканских озер, установив, еще совместно с Ливингстоном, что озеро Танганьика не принадлежит к системе Нила и никакой связи с ним не имеет. Стенли впервые исследовал, нанес на карту и описал озеро Виктория, открыл озеро Эдуарда и установил его связь с Нилом. Во время последнего путешествия ему удалось тщательно исследовать течение большого притока Конго — реки Арувими, протекающей через самые труднодоступные дебри тропического леса. Он установил связь озера Альберта с озером Эдуарда, открыв реку Семлики.

Путешественник открыл огромный горный массив Рувензори, организовав первое восхождение на одну из вершин этих легендарных снежных гор. Позднее высочайшая их вершина была названа горой Стенли (5119 м).

В описаниях путешествий Стенли много места уделяет населению, обитающему в центральных районах Африки.

Стенли нашел там племена, в то время еще неизвестные в этнографической науке, как, например, различные племена пигмеев, населяющих тропический лес. Но в этих описаниях народов Африки всегда ясно проступает чуждое передовой науке отношение к ним, как к «низшей» расе, особой породе людей, стоящих ближе к животным, чем к человеку.

Путешествия Стенли имели для капиталистического мира тем большее значение, что они открывали для эксплуатации богатейшую, плодородную часть африканского материка, тем самым прокладывая дорогу европейским колонизаторам. Этой цели не скрывал и сам Стенли. Даже наоборот, во всех своих

книгах и публичных выступлениях он всячески подчеркивал, что его экспедиции преследовали прежде всего интересы захвата территории с целью ее выгодной для европейского капитала эксплуатации. Он сам, наконец, принимал непосредственное участие в захвате и разделе огромной территории в бассейне Конго.